

Буянов С.Ю.

Стекло и дерево

Сергей Ю. Буянов

Стекло и дерево

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004745

Аннотация

Многие задаются вопросом, как определить границы между болезненным воображением и гениальностью? С помощью математики! Сергей Буянов, профессиональный врач, обращается в своем дебютом романе «Стекло и дерево» к царице наук, чтобы вывести с помощью ее методов формулу раздвоения личности. Но даже царица наук не в силах бороться с человеческими пороками. С пороками в смешанном мире, в котором любовь сильнее смерти, но порою любовь побеждает саму жизнь... Специальные термины вроде депрессии, бреда, галлюцинации – легко вошли в нашу жизнь. Мы пользуемся этими словами, не задумываясь об их смысле. Но где блуждает душа человека с расщеплённым разумом? «Стекло и дерево» – роман о докторе, сумевшем проникнуть вглубь сознания людей с изменившимся рассудком и вернуть их в реальность. Бросая вызов доминирующим сегодня шоковым методам лечения, главный герой пытается доказать, что достаточно пройти путь изменения разума человека – и вывести заблудившегося из лабиринта сознания.

Содержание

1	4
2	13
3	25
4	32
5	49
6	67
7	95
8	118
9	122
10	127
11	133
12	138
13	154
14	184
Конец ознакомительного фрагмента.	186

Сергей Юрьевич Буянов

Стекло и дерево

1

«Одинокая девушка ищет друга по интересам», – чепуха какая-то получается. По каким таким интересам? Лучше вот так: «Желаю познакомиться», – тоже не то, мало ли кто чего пожелает? Проще всего, конечно, указать свои данные. И так не верно – не корова же продаётся, в самом деле.

Эвелина размышляла над жизненным вопросом с утра, едва поднявшись с постели. Пришло же такое в голову! Захотелось ей познакомиться с единомышленником через газету. Самой себе такая мысль казалась странной, но что делать, если по-другому не получается? Если она вынуждена общаться с инфантильными юнцами, у которых в голове только кровать? А чтобы вместе поразмыслить о жизни, поделиться впечатлениями о произведениях искусства, глупо и думать о таком!

Есть же люди нормальные! Надо только правильно сформулировать свои требования в газетном объявлении, тогда откликнутся только те, кто заинтересуется ею как человеком. Эвелина перечитала множество объявлений. К сожалению, пишут только те, кто нуждается в женщине для неча-

стых встреч, или для брака. Всё это не то. Неужели люди, подобные ей, свыклись с интеллектуальным одиночеством?

В свои двадцать два Эвелина чувствовала себя умудрённым человеком, лет так на сорок-сорок пять, не меньше. А всё потому, что сверстники не понимали её. Ни по одному вопросу. В их рассуждениях мало здравого смысла и никаких мыслей ни о будущем, ни о прошлом.

Эвелина не лишена привлекательности, многие делают попытки познакомиться – на улице, в трамвае, где угодно. Это не может не нравиться, но как только кавалер откроет рот, из него польются такие слащавые речи, что сразу станет ясной его цель.

Странный мир, где люди уподобляются животным. Только один инстинкт движет ими. И тот какой-то рудиментарный, неполный. Потому что у животных инстинкт размножения включает в себя заботу о потомстве.

Вот оно – отличие человека! Эвелина грустно усмехнулась, глядя в зеркало. Она отметила, что улыбка выходит кривоватой. Некрасиво получается – половина лица вымученно улыбается, а другая грустит ещё сильнее. Эвелина улыбнулась шире, получилось получше, но выражение тоски не исчезло. Под самым ухом завопил телефон. Эвелина сняла трубку:

– Алло!

– Привет, Лина!

– Привет, Люська.

– Чем занимаешься?

– Да так.

– Слушай, ты мне дашь реферат свой?

– Который?

– Ну, этот, который ты не стала сдавать!

– Зачем тебе? – Эвелина не поняла, для чего подруге реферат со старшего курса, к тому же неудачный?

– Ну, почитаю кое-что. Может, поумнею малость! – поддела Эвелину подружка.

– Может быть. Хорошо, заходи.

– Уже лечу! Включай тостер!

Разговор окончился. Люська уже мчалась к дому. Вот человек, живёт себе и живёт, ни о чём не думает. Полнокровной жизнью, что называется. Люська младше на три года и учится двумя курсами ниже.

Эвелине не сразу пришла в голову идея поступать в ВУЗ, хотелось для начала попробовать себя в жизни. Она поработала в детском садике нянечкой, младшим воспитателем. Посмотрела на детей, на их родителей. Оказалось, что счастливых пар на свете ничтожное количество. А как иначе думать, когда в детской раздевалке затеваются семейные скандалы? Если родители, не замечая детей, выясняют отношения, цепляются друг к другу по пустякам. А совсем недавно они веселились на собственной свадьбе! Откуда появилась пустота душ, разрастающаяся с каждым днём полоса отчуждения? Почему люди, любившие друг друга до беспамятства

ещё вчера, сегодня чуть ли не испытывают взаимную ненависть? В чём причина такого перерождения?

Эти вопросы, равно как и многие другие, побудили Эвелину сделать выбор окончательно – поступать в ВУЗ, учиться на психолога.

А Люська? Так, девчушка без забот, без хлопот. Учит-ся, закончит, пойдёт работать в фирму папы. Всё расписано, разложено по полочкам. Просто и практично. В отношениях с противоположным полом исключительно потребительские побуждения. Встретилась с одним, затем с другим, а чувства? На них наплевать!

Глубокие раздумья прервала неугомонная Люська. Она влетела в двери, раскрасневшаяся с мороза, пышущая здоровьем. На фоне побледневшей от затворничества старшей подруги, она выглядела намного ярче и свежее.

– Привет ещё раз! Тостер включила? Ну, чего ты сидишь, как царевна Несмеяна? Пошли сегодня на каток!

– Тостер? – прервала бурный поток слов гостьи Эвелина.

– Тостер, конечно! Давай, угощай фирменным блюдом! А это что такое? – Люська глянула на исписанные и перечёрканные листы бумаги, лежащие на письменном столе.

– Не трогай! – Эвелина накрыла ладонью записи.

– Да? Наверное, что-то интересненькое! Ты дневник ведёшь для потомков? – шустрая Люська выдернула один листочек и принялась читать вслух.

– Молодая девушка, – Эвелина вырвала листок. – Ты что,

обиделась?

– Я же сказала: «Не трогай»! – залилась краской Эвелина.

– Хорошо, хорошо. Не буду! Но я уже всё поняла! – закатила глаза Люська.

– Чего ты поняла? Что ты, вообще, можешь понять?

– Всё, всё поняла!

– Ты зачем пришла?

– Да хватит тебе дуться! Подумаешь, великая тайна, многие сейчас так делают!

– Что делают?

– Ну, пишут в газету объявление.

– Это глупость просто.

– Какая глупость? Очень даже выгодно. Никто не знает, с кем ты, что ты!

– Разве? – Эвелина опешила.

– Ну конечно! Что тут неясного? Ходит такая недотрога, вся из себя! А сама в тихушку через объявление встречается с кем-нибудь из другого района города! Бывает, с женатым!

– Да ты что?!

– А ничего! Многие так делают! Кто и жениха находит. Он, бедненький, ничего не знает, влюбляется и женится. Главное, не ходить с ним по тем местам, где тебя каждая собака знает!

– А потом?

– Что, потом?

– Всё же раскроется!

– А это будет иметь значение? Да и к тому же, делай так, чтобы не раскрылось!

– Почему я должна что-то делать? – разозлилась Эвелина. – Я вовсе не собираюсь!

– Хорошо, хорошо, – примирительно дотронулась до плеч подруги Люська. – Разве я про тебя говорю?

– Всё равно, нечего меня сравнивать со всякими.

– А зачем ты пишешь? Хочешь найти кого-то?

– Можно и так сказать.

– А лучше промолчать, – открыто улыбнулась Люська, закончив рассуждения об объявлениях в газету.

Подруги прошли на кухню.

– А знаешь, у меня есть один знакомый, – загадочно начала Люська, похрустывая тостом.

– Андрей?

– Ну что ты, какой ещё Андрей?

– Ты же говорила, что Андрей именно тот, кто тебе нужен, – напомнила Эвелина, не спеша, отпивая чай.

– Да? Я говорила? Да нет, что ты, Лина! Он неинтересен.

– Быстро меняются твои интересы.

– Жизнь же бурлит! Вот ты как? Дом – институт, дом-институт, тоска! Никакой личной жизни!

– А что хорошего в личной жизни, если в ней то Андрей, то Славик, то, вообще, Бог знает что! – парировала Эвелина с некоторой укоризной в голосе.

– Вот ты точно заметила – Бог знает что! Вот этот мой

новый знакомый, Алик, он такой умный, такой умный, что говорит – ничего не понятно!

– Что же такого он говорит?

– Да почти как ты – о жизни, об истории, психологии, ну и так далее. Умно так говорит. А вчера провожал меня, так даже ручку не пожал! А глаза блестели, как у ненормального.

– Да ты что?! – развеселилась Эвелина. – Прямо маньяк какой-то!

– Вот тебе смешно, а мне обидно.

– Можешь не продолжать! – Эвелина знала продолжение детской дразнилки, начатой Люськой.

– Ладно. В общем, я что говорю-то? Тебе бы с ним познакомиться!

– Зачем? – чуть не поперхнулась чаем Эвелина.

– Вот-те, здарсьте! Он же такой же, как ты!

– Придурок что ли?

– Ну, зачем ты так! – обиженно надула губки гостья. – Я просто хотела сказать, что у вас, наверняка, есть общие интересы.

– Хочешь сосватать меня?

– Зачем сватать? Познакомишься, пообщаешься, – Люська заметила гримасу подруги, при слове «пообщаешься». – Не в том смысле, просто поговоришь.

– О чём?

– Вот ты странная такая! Я же говорю, он не от мира сего, уж приставать не станет – сто процентов!

– И если не от мира сего, то мне как раз?

– Ну, извини, если что не так сказала, – начала психовать Люська.

– Спасибо за чай, я пойду!

– Погоди, ты же за рефератом пришла?

– Ах, да! Но я передумала. В другой раз возьму, – уже с порога сказала Люська.

– Ты чего губки надула? Кто обидел нашу лапочку?

– Вовсе я не обиделась! – топнула каблучком Люська. – Просто идти пора!

– А сколько лет твоему Алику?

– Не знаю, – машинально ответила Люська, но тут же спохватилась: – Не семнадцать, это точно!

– А-а-а, – протянула Эвелина с ироническим разочарованием.

– А ты сама спроси! Да и узнаешь, хочешь, я ему твой телефон дам?

– Нет! Нет! – замахала руками Эвелина.

– А давай, пойдём сегодня на каток, там и познакомитесь, как бы невзначай! Не захочешь – не надо! Ты только глянешь на него, да послушаешь хоть два слова, а?

– На каток?

– Конечно, на каток! Это же для пользы здоровью!

– А во сколько?

– К семи я зайду! Хорошо, пока, Лина, я полетела! – Люська выскочила на лестничную площадку, пока подруга не пе-

редумала. Мгновенье спустя, она исчезла из виду.

Вот, неугомонная! Крутится, как юла! А может так и надо?

Эвелина задумалась. Так в задумчивости и закрыла дверь. И зачем она согласилась идти на каток? Сегодня её ждал Шопенгауэр. Эвелина виновато посмотрела на труд философа, вздохнула глубоко, и принялась конспектировать последнюю главу Гегеля.

2

– Мы диалектику учили не по Гегелю! – возбуждённо потирая руки, воскликнул молодой аспирант кафедры психиатрии, выйдя из кабинета.

– Сдал? – спросил его субъект с кислым выражением лица, усыпанного вспузырившимися угрями.

– Пятак!

– А что, что попало?

– Так, мелочи, «Диалектика природы»!

– Поздравляю, – без радости в голосе пробурчал тип, ожидающий своей очереди. Он ненавидел отличников. Всюду-то им везёт, идут по жизни без преград: и это сдадут, и то. Что он ляпнул? Диалектика? Да знать хотя бы, что это такое!

– До свидания, Никола. Успеха тебе!

– Лучше бы послал меня к чёрту, – недовольно пробурчал Никола. Он уже в пятый раз сдавал философию. Завкафедрой таким скотом оказался, принципиальным! Сдавай и всё тут, сдохни, а сдай. Никола уже давно состряпал научную работу – «Об изменении пульса у практически здоровых, страдающих хроническими заболеваниями, лёгочной системы, при средних физических нагрузках». Кандидатская в кармане, работа получила прекрасные отзывы Учёного совета. Сделан огромный шаг в прогрессе медицины! А тут какой-то философ тянет душу, не принимает экзамен по кан-

дидатскому минимуму, хоть ты сдохни! Английский сдал за коробку конфет, лечебную физкультуру – за пузырь водки, причём раздавил его вместе с научным руководителем, а философия упёрлась. Вот, сегодня, если он не сумеет сдать, то будет допущен к очередной пересдаче только через год. Никола обхватил голову обеими руками и чуть не зарычал от бессильной ярости.

А счастливчик уже мчался вниз по лестнице. Рим Николаевич Любимов тоже собирал материал для науки. Диссертация находилась ещё в зачаточном состоянии, но кандидатский минимум он уже сдал. Научная работа велась им отдельно от кандидатской. Так уж получилось.

Его шеф заупрямился, прогрессивную методику аспиранта отвергать категорически не стал, но предложил, для начала, другую тему. Заведующий кафедрой психиатрии по своей натуре был демократом. Он и выглядел демократично. Нескладный костюм, в котором можно выступать с трибуны и, с таким же успехом, колоть дрова, обязательно ослабленный скромный галстук, – указывали на непритязательность учёного к своему внешнему виду. Профессор был среднего роста, даже чуточку ниже, этакого пикнитического телосложения: не сказать, что толстоват, но и тощим не назвать. Его добродушная улыбка и открытое выражение лица, – побуждали первого встречного к самой откровенной беседе. К студентам Егор Степанович относился по-отечески мягко. Всем ли быть психиатрами? Стоит ли насильно заставлять студен-

та овладевать знаниями, которые он тотчас, после сдачи экзамена, позабудет? Студенты души в нём не чаяли, порой было достаточно, совсем неподготовленным, рассказывать профессору о своих взглядах, принципах, жизненной позиции. Профессор, как бы безучастно, выслушает, взглянет проницательными глазами и, с неизменной улыбкой, отметит в зачётке оценку и попрощается. На первый взгляд кажется, что профессор не слушает собеседника, думает о чём-то своём, но при первой же его фразе становится ясно, что он слышал и понял каждое слово. При таком заведующим кафедрой, считалось постыдным не знать хотя бы основ психушки.

К аспирантам Егор Степанович относился как к равным коллегам. Подающий надежды Рим, например, ухватился за одну привлекательную, но, к сожалению, малонаучную идею. Васильчиков не стал препятствовать молодому дарованию. Он просто предложил для защиты другую тему, тактично указал, что сейчас лучше иметь синицу в руках, а потом можно будет поразмыслить о журавле в небе.

– Рим Николаевич, параллельно со своей теорией, почему бы вам ни заняться ещё одной темой?

– В каком направлении?

– У нас одно направление, а вам не составит труда параллельные изыскания.

– А какого рода изыскания?

– Есть у нас одна тема: «Об изменении липидного обмена при шизофрении». Лабораторные подтверждения – основа

научной работы.

– А моя работа не научна? – в штыки принял предложение шефа Рим Николаевич.

– В аспирантуре, на первичной ступени в науке, важно в короткий срок представить результат. У вас же огромное поле деятельности. Ваша работа требует времени.

– Ясно, значит, она не пройдёт?

– Понимаете, Рим Николаевич, научные гипотезы, пусть даже обоснованные, не принимаются Учёным советом.

– Хорошо, я понял. Я займусь липидным обменом, но какова его научная значимость?

– Понимаете, Рим Николаевич, в мире ежедневно защищается целая куча кандидатских работ. Каждый соискатель сам определяет научную значимость.

Вот так, ничего не говоря, шеф дал понять, что на создание научной теории аспирант не имеет права. Его дело – разработка темы, предложенной кафедрой. Вот и всё! А научными изысканиями занимайся, пожалуйста, только не в ущерб защите кандидатской.

И всё же Рим не потерял интереса к собственной теории, он упорно продолжал работать на два фронта. Целыми днями, безвылазно, пропадал в стационаре, используя собственную тактику лечения, а все вечера, напролёт, проводил интерпретацию результатов анализов и клинических форм заболевания, сооружал репрезентативную выборку, – в общем, двигал науку.

Как молодому научному деятелю, ему выделили маленький закуток в малосемейке института, который аспирант использовал больше для хранения вещей, чем для жилья. По ночам приходилось брать дежурства, чтобы свести концы с концами. Наука требует не только моральных жертв, но и приличных финансовых вложений. Необходимо перелопатить огромную массу научной литературы, для этого надо её иметь. Доступ к научным трудам стоит денег и порой немалых. Кроме того, надо как-то материально заинтересовать сотрудников лаборатории в выполнении дополнительной работы. Биохимические анализы требуют времени на их проведение и дорогостоящие реактивы, которые приобретает сам аспирант. Так что, не всё так просто и легко, как кажется со стороны. Помимо всего прочего, уже на первом году аспирантуры надо собирать деньги на защиту – оплата дороги научным специалистам, аренда здания, банкет, наконец. Дамоклов меч финансовых проблем зависал над аспирантом, но Любимов настолько увлёкся работой, что вспоминал об этом очень редко.

В меру высокий и несколько сухощавый, немножко смуглый, с лёгким налётом трудовой бледности, в свои двадцать пять Любимов выглядел на все тридцать. Когда он отвлекался от работы, выглядел моложе своих лет. Отсутствие длинной шевелюры, бороды и усов – специфика профессии (техника безопасности при работе с душевнобольными), – позволяло принять аспиранта за студента. Многие больные, уви-

дев его впервые, считали Рима Николаевича практикантом, но когда начинали общаться с ним, видели перед собой грамотного и опытного доктора.

Все развлечения Любимова остались позади, поначалу они шли по неуклонной убывающей от первого курса медицинского института до последнего, а ныне прекратились вовсе. Глобальная идея целиком овладела им. Любимов вовсе не желал совершить переворот в психиатрии, он только хотел указать на эффективность принципиально нового подхода к лечению.

Рим не курил, в выборе спиртных напитков имел достаточно хороший вкус. Отсутствие финансов не позволяло употреблять элитные напитки, поэтому он обходился без них.

Не смотря на черты фанатизма в работе, Любимов вовсе не казался занудой в жизни. Он умел веселиться и шутить, прекрасно поддерживать любой разговор, хотя не слыл коммуникабельным человеком.

Друг Рима, бывший однокашник, ныне начинающий бизнесмен явился поздравить товарища, подъехав прямо к крыльцу учебного корпуса.

– Привет мученику науки! – крикнул он, едва завидев Любимова.

– Привет новым русским! – отозвался Рим.

– Я слышал, ты сдал экзамен? – по-хитрому прищурился Пётр.

– Даже не намекай! Это совсем не тот экзамен, который

следует отмечать.

– Вот ты даёшь! Как никак – кандидатский минимум!

В ответ Рим только пожал плечами.

– Садись! – пригласил друга Пётр, открывая дверцу BMW. – Поедем кутить!

– У меня времени нет.

– А у меня есть? – прижал к груди ладони Пётр. – Тоже нет!

– У меня на сегодня планы, – отшивал Рим.

– А у меня нет планов? Да по самое горло! – бизнесмен провёл рукой под подбородком. – Поехали, там будут женщины!

Пётр частенько издевался над товарищем за его неловкость в отношениях со слабым полом. Больше всего злило Рима упоминание о распутных подружках Петьки.

– Ты ещё не перестал бояться женщин? – нахмурил брови Пётр. – А как я тебя учил? Закрой-ка глаза и скажи десять раз: «Я не боюсь женщин»!

– Отстань! Мне пора в библиотеку.

– Обождёт твоя библиотека! Я тебя приглашаю на презентацию. Серьёзно. Как специалист выступишь, бросишь пару ценных рекомендаций, отметишь качество продукции и всё. Никто пить тебя не заставляет!

– Какой продукции?

– Элитной! Импортные унитазы!

– Ну, ты даёшь! Что может сказать психиатр, который, во-

обще-то, головой занимается, об унитазах?

– Откуда им знать, чем ты занимаешься? Аспирант по медицине, разве этого мало? Имей в виду, оплата гарантирована шефом, а если повезёт, комиссионный бонус сорвём!

– Заманчиво, но непонятно, что говорить медицинского об унитазах?

– Чудак ты, ей Богу! Это не простые унитазы, а диагностические!

– Пригласи проктолога, – посоветовал Рим. – Так как-то удобнее будет.

– Ерунда! зачем проктолог? Этот унитаз такой – после использования, через пять-десять минут даёт расшифровку всех анализов! Вещица-то нужная! Расскажешь, как важно следить за балансом в организме и ещё что-нибудь.

– Сколько времени займёт эта презентация? – начал сдаваться Рим.

– Пустяк. Часика три, не больше!

– Хорошо, поехали. Потом довезёшь до библиотеки?

– Конечно! У тебя корка аспирантская с собой?

– Зачем?

– Для солидности.

– Документ всегда при мне, – похлопал себя по нагрудному карману Любимов.

– Порядок! Я умолкаю. Подумай о предстоящей речи. Ориентируйся минут на пять, не больше. Вот тебе инструкция, ознакомься с лицом товара! – Пётр протянул листок на

английском языке.

Любимов углубился в чтение, вникая в детали. Незнакомые слова он додумывал, иные понимал без перевода.

– Ты так себе никого и не нашёл? – поинтересовался Пётр между делом.

– О чём ты?

– Да всё о них!

– Нет пока.

– А может, не там ищешь? Смотри, подхватишь себе какую-нибудь шизофрению!

– Она не заразна, – улыбнулся Рим.

– В теории – да, а на самом деле ещё как заразна! Вот у меня сосед – погнал насчёт врагов, так его бабка с ним заодно. Поначалу смеялась, а теперь вместе с ним сооружает контрольную полосу в подъезде. Как ни придёшь домой, вся лестничная площадка усыпана: то солью, то песком, то рисом. Ужас какой-то! Слушай, а ты не мог бы их – того?

– Чего, того?

– Изолировать от нормальных людей, подлечить там у себя.

– Они социально опасны?

– Да кто их знает?

– Что тогда переживать? Они, наверняка, на учёте и проходят лечение амбулаторно.

– А если кто поскользнётся, сломает шею на лестнице, тогда как?

– Тогда их изолируют.

– И всё?

– Всё.

– Жаль, конечно, что так. А ведь раньше можно было, кого угодно упечь в психушку!

– Когда это, раньше?

– Ты что, не помнишь что ли? Диссиденты там всякие и так далее.

– Вряд ли.

– В смысле? Да об этом весь мир говорит!

– А что доброго сказал мир об СССР?

– Да и сами диссиденты говорят.

– Диссиденты, журналисты, кто угодно, но только не специалисты!

– Да ты что, считаешь, что они были больными, в самом деле? – Пётр чуть не поперхнулся от неожиданности. Вот тебе и друг – психиатр!

– Так считали их лечащие врачи.

– Понятно, больше вопросов нет! – помрачнел Пётр.

– Вот ты считаешь нормальными нынешних митингующих ортодоксов?

– Кого, кого?

– Ортодоксов, людей старой закваски, призывающих вернуть сталинские времена, – пояснил Рим.

– Конечно, нет! Какой нормальный человек будет нести такую ахиною? Постой, постой, ты хочешь сказать?

– Да. Именно это я и хочу сказать.

– Мы что теперь, среди ненормальных живём? Этих вот, что на митингах?

– К счастью, нет. Это люди с нормальной реакцией на ненормальные условия. Только и всего.

– Ну, ты даёшь! Тогда кто у тебя там лежит, если все нормальные?

– Петро, ты же изучал психиатрию!

– Изучал, изучал. Не помнишь что ли, как мы её изучали? Только бы посмотреть больного, поприкалываться над ним, сдать всё и забыть.

– Вот отсюда – все наши проблемы! Ты, с высшим медицинским образованием, а слушаешь дилетантов. Учился шесть лет и не можешь разобраться – кто больной, а кто здоровый!

– Во-первых, ты слишком хватил! Какие это шесть лет? Курс психушки всего два месяца! Во-вторых, невозможно знать всё! В-третьих, совсем ты меня запутал. Лучше дочитай, да речь подготовь, через полчаса выступать.

Рим вздохнул и углубился в чтение занимательной инструкции. Даже когда машина остановилась, он продолжал дочитывать любопытную информацию о жизненно важном товаре.

Презентация прошла на ура. Новые русские расхватили все унитазаы, мало того, заказали ещё.

– А из тебя вышел бы неплохой рекламный агент, – заме-

тил Пётр после презентации.

– Каждому своё.

– Это верно, но на выходные не строй никаких планов!

Магарыч за мной!

– Хорошо, но только в субботу.

– Вот и хорошо, заеду за тобой часикам к трём.

На том и порешили. Пётр не обмолвился ни словом о женщинах, чтобы не обидеть друга. Ему не доставало общества интеллектуального человека. Мат, перемат, феня, уже доставали под завязку, такова специфика работы бизнесмена.

3

Карину Львовну Липутину позвали к телефону тотчас после лекции. Она не успела выпить чашечку кофе, поэтому в крайнем раздражении подняла трубку.

– Алло!

– Это ты, Лина? – действительно, звонила дочь. Она предупредила, что решила пойти вечером на каток.

– А занятия? – с первого класса школы мать строго следила за выполнением домашнего задания дочери.

– Всё хорошо. Уже сделала.

– А английский?

– Десять слов.

– А остальные?

– Когда вернусь.

– А когда?

– Часам к десяти.

– А ты не проспай на утреннюю лекцию? Хорошо, смотри сама, ты уже взрослая. До вечера, точнее до полуночи. До свидания.

Карина Львовна задумалась. К чему бы этот каток? Эвелина ведь не умеет кататься на коньках! А может быть, уже и умеет. Да, вот так дети и отбиваются от рук. Не знаешь даже, чем занимается собственное чадо.

Что поделать? Такова жизнь. Карине Львовне предстояла

защита докторской. Невесть какое научное открытие, конечно, зато степень доктора наук позволит ей занять доцентскую вакансию. Уже скоро Зельма Яковлевна уедет на историческую Родину, освободив место заведующей кафедрой. Докторское звание позволит занять профессорскую должность. Только времени осталось в обрез, материала много – полный цейтнот! Впервые за много лет Карине Львовне не до своей дочери. Остаётся лишь надеяться на благоразумность Эвелины.

Важно не упустить дочь в таком возрасте.

Карина Львовна, на её взгляд, высказывала резонные опасения. Сама она в такие годы сделала пару абортов, лишь к тридцати задумалась о будущем. Сосед по подъезду давно сходил с ума по ней: то с цветами встретит, то духи подарит. А всё мотивировал праздниками: День независимости Мозамбика, День начала весны и так далее. Недотёпа, одним словом. С другой стороны, не смотря на всю свою жизненную бестолковость, он сумел защититься где-то в области литературы, да и детей любил. Карине Львовне не составило особого труда сблизиться с ним. Дальнейшее развитие событий протекало по её сценарию: неожиданная беременность, желанная свадьба, рождение дочери. Спустя полгода ей порядком поднадоел супруг и, с помощью мамы, он был бесцеремонно выставлен за дверь посреди ночи. Устала от него Карина Львовна, что тут неясного? Какой-то непонятный он сам по себе, и шутки его дурацкие.

Развода ему Карина Львовна так и не дала и по всем документам числилась порядочной замужней дамой. За время совместной жизни супруг сумел-таки привить ей отвращение к мужскому полу в целом. Он постоянно раздражал жену своей заботливостью.

Умел готовить, стирал, убирал в доме. Карина Львовна лежала на диване, да почитывала занимательные книжонки. А супругу пообщаться с ней вечно было некогда! То что-нибудь мастерит, то полы моет, то посуду. И как можно жить с таким слюнтяем? Да и мама была недовольна.

Когда они расстались, жизнь восстановилась и вошла в привычную колею. Карина Львовна защитила кандидатскую и вплотную занялась воспитанием дочки, используя новейшие, прогрессивные методики.

После утренней гимнастики предусматривалась обязательная литературная пятиминутка, где Эвелина рассказывала о том, что прочла накануне, делилась впечатлениями и размышлениями о прочитанном. Тотчас после занятий в школе – час классической музыки, затем – выполнение домашнего задания. С шестилетнего возраста дочка стояла на вытяжку перед Кариной Львовной и пересказывала ей содержание параграфа, заданного в школе. Приходилось по несколько раз выслушивать Эвелину, то в одном месте она запнётся, то в другом.

Подруг для дочери выбирала сама Карина Львовна. Детей, несимпатичных ей родителей, не подпускала к дому на пу-

шечный выстрел. Здорово помогала бабушка. А как иначе воспитать гармонично развитую личность?

Никакого дурного влияния!

Карине Львовне пришлось учиться вместе с дочкой. В старших классах существенно изменилась программа, нагрузок стало больше, и мама порой отставала от дочери. Это немножко раздражало, одновременно и радовало. Из Эвелины будет толк! Непременно будет. Сколько трудов в неё вложено!

Когда дочь поступила в институт, Карина Львовна ограничивалась лишь вопросами, вроде: прочла этот предмет, или этот, а вот этот? Психология для мамы – тёмный лес. Карина Львовна ничуть не признавалась в своей некомпетентности, а ослабление контроля объясняла взрослостью дочери. Из-за нехватки времени, Карина Львовна проверяла только английский. Она садилась на диван, держа в руках словарь и сравнивая ответы дочери с написанными словами. Требования существенно снизились: вместо пяти десятков слов надо было выучить только тридцать. Возраст начал давать о себе знать. Внезапные головные боли стали почти привычными, иногда глаза чуть не лопались от какого-то внутреннего напряжения.

К врачам Карина Львовна не обращалась принципиально, а чем они умнее её? Читала журнал «Здоровье», смотрела популярные медицинские передачи по телевизору, лечилась сама.

В последнее время добавилось психо-эмоциональных нагрузок. Кто-то подложил ей в стол весьма странное письмецо с оскорбительными выпадами и без подписи. Там говорилось о её неполноценности: и лицо у неё перекошено от постоянной злобы на весь мир, и косметики тонны, и причёска под молодую, и характер невыносимый, и отношение к работе наплевательское.

Много ещё гадостей было напечатано на тетрадном листочке, а в финале ей предрекался конец карьеры в психушке.

Карина Львовна незамедлительно провела расследование, подозревались все, включая домашних. В результате кропотливых оперативно-розыскных мероприятий выяснилось авторство анонимки. Недоброжелателем оказалась молодая сотрудница кафедры. Никто, одним словом. Что ей плохого делала Карина Львовна? Относилась к ней по-матерински и за это получила огромную благодарность!

Этого безнаказанно оставить нельзя! Карина Львовна подала в суд гражданский иск с целью возмещения морального ущерба. В своём заявлении она вспомнила всё плохое, что когда-либо сделала ответчица, вплоть до того, что однажды она специально и умышленно сломала авторучку Карины Львовны, и это при четырёх свидетелях!

Процесс затянулся, папа ответчицы оказался работником органов МВД, да не простым, а занимающим какой-то пост. Отступать и идти на попятную Карина Львовна не собира-

лась. Отклонялся один иск, за ним следовал другой. Условия работы молодой сотруднице создали нечеловеческие, но и она не сдавалась.

Карина Львовна принялась форсировать работу над докторской, уж на месте заведующей она поменяет декорации. Способная в математике женщина умела просчитывать ситуацию на несколько ходов вперёд. Победа, безусловно, будет за ней!

Перегрузки немедленно сказались на здоровье. Карину Львовну начало бросать то в жар, то в холод, после ходьбы побаливали ноги. Это очень мешало нормальной работе. Да и дочка осталась практически неподконтрольной. Карина Львовна лишь однажды взглянула на письменный стол Эвелины. Философия, сплошная философия, абстракция и ничего жизненного. Для Карины Львовны не существовало никакой разницы между материализмом и идеализмом, все философские дефиниции казались надуманными и бестолковыми. Высказывать своё мнение она не стала, но заметила дочери чрезмерное увлечение абстракциями. А та затеяла спор о пользе знания общественных наук. Карина Львовна слушала и не слышала, сидела напротив и любовалась дочерью. С каким пылом, как убедительно Эвелина пыталась что-то объяснить! Внезапно начавшийся приступ мигрени прервал просветительскую деятельность дочери, Карина Львовна выпила горсточку лекарств, положила на лоб лёд и легла в постель. Эвелина механически ухаживала за ней, говори-

ла автоматические фразы, отрешённо меняла повязку, от её рук не исходило тепла.

Карину Львовну удивило столь прохладное отношение к матери, но вскоре она нашла простое объяснение. Дочери нужно заниматься, мысленно она вся где-то далеко, в своих книгах.

Карина Львовна не без сожаления вспомнила этот эпизод, тяжело вздохнула и принялась уверенно, глубоко вдавливая ручку, чертить графики и схемы очередного доказательства в области фундаментальной высшей математики.

4

– Лина?! – в восхищении раскрыла рот Люська.

– Что, не узнаёшь?

– Ну, ты даёшь! Все мужики штабелями пред тобой падают!

Люська никогда не видела подругу в спортивном костюме: на занятиях в институте – строгая юбка и пиджак, дома – бесформенный обширный халат. Теперь же перед ней предстала какая-то скульптура с чёткими пропорциями и изящными линиями. Ничего лишнего и всюду всего хватает, словно вылепленная искусным мастером фигурка. Пожалуй, только причёска Эвелины не изменилась, но аккуратный тугой узел так подходил к её фигуре, что придавал ей сходство с Нефиртити. Эдак подруга всех кавалеров отобьёт! Хотя, при её взглядах на жизнь, вряд ли. Так заключила Люська и успокоилась.

Пока Эвелина возилась в своей комнате, что-то ей там надо было прибрать, Люська разглядывала себя в зеркало трюмо.

Пухловатая коротышка весело смотрела на неё, одежда висела мешком. Ей пришлось надеть олимпийку на два размера больше, чтобы полноватость не бросалась в глаза. Люська повернулась боком и отметила, до чего несуразна её фигура. Ноги короче, чем хотелось бы, и какие-то криво-

тые, а курносый нос вовсе не идёт ни в какое сравнение с римским профилем подруги. Люська встряхнулась, словно сбросила с себя комплексы, широко улыбнулась своему отражению и вслух сказала:

– Зато у меня есть шарм!

– Что? С кем ты разговариваешь?

– Да так, сама с собой! – весело отозвалась Люська.

– А-а, – протянула Эвелина. – Пора выходить?

– Пора! Пойдём!

Лина согласилась идти на каток только потому, что знала – на льду собирается приличная молодёжь. На дискотеках, в душных залах под ревушими динамиками скапливались малолетки со своими инфантильными интересами. Их кавалеры, в разной степени опьянения, не снимая зимних курток, стояли по периметру, подпирая стены. Лишь к концу зрелища публика достаточно разогревалась. С неизбежными драками при участии обоих полов, извечным запахом курящейся анаши и туповатым смехом, – такие тусовки стали малопривлекательными для молодёжи более высокого уровня. Поэтому дети достойных родителей, думающие о своём будущем, выбрали себе иное место встреч. Здесь на льду, вместе с малышками, они чувствовали себя уютнее. Тут они встречались, общались и даже иногда влюблялись. Молодёжь, некоторым особняком от детворы и возрастных спортсменов, избрала себе уголок потемнее. Изредка, действительно классные мастера выезжали к самому

центру площадки, и тогда все присутствующие заворожено смотрели за танцем пары. Некоторые пытались достичь такого совершенства, большинство же приходило просто пообщаться, да разъехаться по уютным квартиркам.

Каждый вечер на катке можно было узнать всё о жизни барчат: кто и когда едет в Лондон, в Оксфорд или, скажем, на Гавайи.

Люська представила свою подругу. Пацаны, как ожидалось, пораскрывали рты при появлении незнакомки, а девчата почему-то приняли её в штыки. Они сухо представились и демонстративно отъехали в сторону. Признанная красавица в платье для фигурного катания не удержалась от колкости и гнусным голосом поинтересовалась:

– Лина, – так назвала подругу Люська, – а как ты предпочитаешь расслабляться, в паре или в одиночном катании?

– Время покажет, – уклонила от разговора Эвелина. Вступать в полемику с расфуфыренной штучкой не хотелось.

– Обязательно покажет! А от кого у тебя коньки?

– От Робеспьера!

– Хм, – нападающая не знала чем ответить. Она мысленно перебрала известных кутюрье, Робеспьер не вспоминался. Тогда она, чуть не наехав на соперницу, крутанула перед Эвелиной полукруг, изящно присев на одной ноге, затем подхватила Люську под руку и умчалась в глубину катка.

– Это кто такая? – строго спросила она.

– Это моя соседка и знакомая по учёбе, а что?

– Откуда ты выкопала такую страшную?

– Из сказки!

– Баба Яга что ли?

– Вроде того, – с готовностью согласилась Люська.

– И часто она будет ходить?

– Вряд ли, – уверенно выкрикнула Люська, оглянувшись на оставленную подружку. Та стояла, облокотившись на бортик и, судя по всему, не проявляла интереса к происходящему.

А вокруг неё скопились парни. Они о чём-то спрашивали незнакомку, пытались завести разговор. Похоже, ничего у них не получалось. Поочерёдно парни отъезжали прочь и не оглядывались.

Эвелина устала от новых впечатлений, заскучала и с нетерпением ожидала подругу. Но Люська где-то исчезла и не думала появляться. Тогда Лина потихоньку, держась за бортик, начала пробираться к выходу.

Довольно с неё свежего воздуха и общества весёлых, но скучных узостью кругозора, людей. Никакого открытия для себя она не сделала. Полагала же, что ничего полезного этот поход не принесёт, но всё равно зачем-то согласилась. Она прибавила скорости, опасаясь встречи с Люськой, теперь видеть подружку не хотелось. Эвелина передвигала ноги быстрее и быстрее, в азарте чуть не побежала. Она не заметила, как исчезла под рукой опора – бортик закончился – двигаясь по инерции, Эвелина непонятно как споткнулась и по-

летела вперёд. Она машинально закрыла лицо руками и упала на что-то мягкое и упругое. Эвелина уже представила себя с разбитым вдребезги носом и синяками под глазами, но картина чудесным образом переменялась. Она убрала руки с лица и оттолкнулась от кого-то. Она вскочила на ноги и, не удержав равновесия, повалилась назад. Вот так, если не лоб расшиблен, то затылок! На спину она тоже не упала. Тот самый спаситель, что так ловко подъехал под неё, падающую навзничь, резво подпрыгнул и крепко ухватил Лину за талию. Со стороны это получилось потрясающе! Партнёр удержал фигуристку рукой, Лина прогнулась, затем выпрямилась как струна, машинально ухватив его за руку.

– У нас неплохо получается! – ободряюще заметил партнёр.

– Спасибо, – только и сказала в ответ Эвелина. Ей стало неловко и стыдно за свою неуклюжесть, о чём она тут же поведала незнакомцу.

– Ничего, ничего. Ты очень даже неплохо держишься! – отметил мужчина лет тридцати, не меньше.

У каждой тусовки – свои правила. На катке все обращаются друг к другу на ты. Поэтому и Эвелина не стала вредничать и, необычно для себя, фамильярно отозвалась:

– Ну что ты! Как корова на льду! А ты, наверное, здесь завсегдатай?

– Не то чтобы завсегдатай, так, иногда выхожу на природу поразмяться. Раньше я играл в хоккей, в молодости.

– Да ты и сейчас не старик, – заметила Эвелина.

– Конечно нет, но реакция уже не та! Надо бы не позволить тебе упасть, ты уж извини, что так вышло! – и безо всякого перехода: – А зовут меня Алик.

– Вот и познакомились, – констатировала Эвелина.

– Ещё не совсем, я же не знаю твоего имени!

– Имя моё Эвелина. Зовут Линой.

– Друзья?

– Не только.

– А мне как быть?

– Как хочешь, Алик.

– Попробую. Лина?

– Пойдёт.

– Вот и хорошо! А что мы встали, как вкопанные?

Действительно, они словно застыли, держась за руки, да же как-то неловко стало. Но пробовать двигаться Эвелина опасалась.

– А давай потихоньку, – подбодрил Алик, заметив замешательство новой знакомой. – Вот так, по чуть-чуть, по чуть-чуть.

Эвелина неуверенно сделала первый шаг, второй и чуть не упала в объятия Алика. Она сумела удержаться на ногах, но экспериментировать далее не собиралась и повернулась к спасительному бортику.

– Туда? Хорошо, давай туда, – Алик тактично согласился:

– Так, не надо ставить ноги широко, ты только ступни слег-

ка выворачивай кнаружи и всё. Вот, вот, нормально! Коньки так идут остриём, то есть, режут лёд. Вот и хорошо!

Когда они подъехали к бортику, он вдруг развернулся, увлёк за собой партнёршу, и они покатались в середину! Эвелина не успела напугаться, она копировала движения Алика, явно не фигурные, но основательные и, по-мужски, крепкие.

Оказалось, что кататься на коньках не так уж и сложно. Она раньше ездила по снегу, по льду – сложнее, но не намного. Эвелина шла вровень с партнёром и не заметила, как они развили приличную скорость. Твёрдая рука Алика позволяла чувствовать себя в безопасности.

– Так она с этим слоном будет кататься? – спросила Люську королева катка, в присутствии всей компании.

– Конечно! Я ведь её вытащила из дому, чтобы познакомиться с этим чудиком!

– Так в этом всё дело?

– Конечно! Понимаешь, она немного странноватая, вот я и хотела свести их вместе и посмотреть, что из этого получится!

– Здорово! А они без твоей помощи, сами, нашли друг друга!

– Я же чуяла, парочка что надо!

– Да, это неплохая идея. Оказывается ты, Люська, сообщаем!

– А ты как думала?! – полуогрызнулась Люська.

– Так бы и сказала! А то я наехала на бедную Золушку ни за что, ни про что!

Все, присутствующие при разговоре, с долей подобострастия захмыкали.

Упомянутой парочке до них не было никакого дела. Эвелина сосредоточилась на движениях, овладевая новой наукой. Алик молчал, он полностью увлёкся танцем. Правда, это не помешало ему почувствовать усталость партнёрши, Алик, ни слова не говоря, направился к борту. Остановившись, Эвелина встретила его взгляд. В точности, как и описывала Люська! Блестят глаза странным цветом. Немножко отрешённые, вроде смотрят куда-то внутрь себя, там отражение перерабатывается, и только после этого взгляд становится осмысленным.

Алик отвёл её к домику проката коньков. Здесь периодически собирались люди. Кто брал коньки, кто сдавал. В основном это были простые посетители, молодёжь имела собственные коньки и далеко не от Робеспьера. Алик достал термос, угостил горячим сладким чаем.

– Какой странный привкус! – отметила Эвелина.

– Это чай с чабрецом, – поведал Алик.

– А кто ты есть, Алик? – совсем неожиданно для себя, бесцеремонно спросила Эвелина.

– Понимаю вопрос. Я, можно сказать, художник.

– Выставляешься где-нибудь?

– Почти. Дело в том, что это моё хобби.

– А профессия?

– Я уже много о себе рассказал, но не знаю ничего о тебе!

– Я простая студентка.

– На каком поприще?

– Психология.

– Замечательно! Я всегда интересовался психологией, особенно животных.

– А почему животных?

– Они добрее людей, хоть и жёстче.

– Наверное, ты в чём-то прав, – задумчиво произнесла Эвелина.

– Может быть, – уклончиво ответил Алик.

Эвелине показалось, что с новым знакомым общаться легко и просто. Они поговорили ещё о разном, всюду Алик проявил осведомлённость. Он не навязывал своего мнения, ничего не утверждал категорически, но и не соглашался по-глупому. Алик вероятно казался кому-то странным, но только не Эвелине. Обычный молодой человек, мужчина с развитым интеллектом. Сейчас такие – редкость. Потому Люська и назвала его человеком не от мира сего. Вот в такие времена живём, если человек оказывается нормальным, то считается чудаковатым. Если студент обнаруживает глубокие знания, то уже отличник. Хотя... всё относительно. Относительно людей, занятых ежедневными бытовыми проблемами, – увлечённые чем-то глобальным, автоматически воспринимаются ненормальными.

Эвелина поделилась своей мыслью с новым знакомым.

– Всё в мире относительно, – согласился Алик. – Абсолютна только вечность!

Что ж, мысль глубокая, над ней стоит поработать. За разговором они подошли к подъезду Эвелины, Алик огляделся и заметил для себя, что Люська живёт в соседнем дворе.

– Людям, понимающим друг друга, не надо терять связь, – намекнул он, прощаясь.

Лина написала номер телефона и протянула Алику.

– Когда? – коротко спросил он.

– Лучше часам к восьми вечера, пока!

– До свидания! – попрощался Алик и добавил, обращаясь уже к закрытой двери: – До скорого свидания.

Он обратил внимание на фирменную защитную отделку двери, хмыкнул и спустился по лестнице пешком, не дожидаясь лифта.

Эвелина чувствовала необычайный прилив свежей энергии. Мороз ещё горел на её щеках, в голове появились новые впечатления. Все они, безусловно, требовали оценки и тщательного анализа.

Эвелина посмотрела на часы, ещё не было и девяти. Мама, конечно, дома не оказалось. Феофан – кот пяти лет, важно вышел навстречу, помурлыкал, приветствуя хозяйку, немножко постоял в нерешительности – никто его так и не взял на руки – и гордо удалился на кухню.

Эвелина решила заняться по хозяйству, кипучая деятель-

ность пробудилась в ней. Она наводила порядок, двигаясь по квартире без передышки. В голове кружились мысли – учёба, жизнь, обустройство общества, – всё перемешалось. Наплыв разнообразных идей не прекращался, на миг она даже почувствовала, как шевелятся извилины в голове. Это ощущение напугало Эвелину, она резко остановилась, присела и постаралась успокоиться. Мысли совсем перемешались, зато перестали пугать её своей скоростью. Эвелина встала, подошла к окну, взяла в руки горшок с цветком, отнесла его на кухню, аккуратно поставила в раковину. Затем она постояла в нерешительности и недоумении, через несколько мгновений хлопнула себя по лбу – она же собиралась полить цветы! Эвелина подхватила горшок и отнесла на место. Вернулась на кухню за водой. Пока вода набегала в графин, она заврожено глядела на пузырьки. За это время голова опустела – никаких мыслей! Казалось, постучи себя по лбу и отзовется колокольный звон. Эвелина встряхнулась, сбросила с себя оцепенение и полила-таки цветок. Проходя мимо зеркала, заметила, что до сих пор ходит по квартире в спортивном костюме. Она переоделась, прошла в свою комнату, машинально отключила телефон и села за рабочий стол, раскрыв на закладке забытого сегодня Шопенгауэра.

Философию Лина сдала год назад, но так увлеклась ею, что не смогла бросить на полпути освоение науки. Параллельно Эвелину увлекали смежные дисциплины. Политология, например. Законы экономики интересовали постоль-

ку-поскольку, а вот суть человеческой природы, это да! К счастью, этими вопросами занималось огромное количество людей, так что Эвелине предоставлялась чудесная возможность ознакомиться почти со всеми их трудами. Как хорошо, что теперь нет запрещённых учений! Она методично изучала различные взгляды и направления, соглашаясь со всеми. А как иначе? Каждый учёный основательно доказывал свои умозаключения. Если Эвелине поначалу казались нелепыми выводы некоторых философов, то постепенно, углубляясь в науку, она поняла даже идею о перенаселённости земли и, в то же время, жалела бедствующих людей.

Ей было жаль всё человечество в целом, идущее семимильными шагами к всеобщей гибели. Достижения научно-технического прогресса неуклонно вели к саморазрушению систему человеческих взаимоотношений, хотя и способствовали улучшению благосостояния. Сплошные противоречия не сбивали с толку Эвелину, наоборот, подтверждали закон единства и борьбы противоположностей.

Сегодня почему-то наука не воспринималась. Наверное, виной тому выход в люди. Масса серых впечатлений мелкого, повседневного масштаба сбивала правильный, отлаженный ритм размышлений. Эвелина отложила книгу и решила переключиться, она начала думать о Люське, о той расфуфыренной королеве катка. К сожалению, об этих людях ничего не думалось. Тогда Эвелина воспроизвела до мельчайших деталей встречу с Аликом. Ей вновь стало неудобно и отча-

сти стыдно за своё поведение. И вообще, всё так гладенько получилось, как в классическом фильме про любовь.

Это слово, всплывшее откуда-то из самых глубин мозга, растревожило Эвелину: слишком отчётливо и резко прозвучало оно в голове. Точно удар хлыста! К лицу прилила кровь, щёки запылали, как у гимназистки. Эвелина понимала, что это никакая не любовь, даже не намёк на симпатию, просто обычное общение, да и всё. Но что-то тут было не так. Какая-то странность промелькнула. Только вот где и когда? Кто мог вызвать необычайную реакцию? Алик? Или она сама? Столько неразрешимых вопросов и так мало времени всё основательно обдумать.

Эвелина включила телефон, набрала межгород и связалась с бабушкой, вот уж кто поможет ей разобраться!

Внучка поведала все свои впечатления, опасения и проблемы. Бабушка выслушала и сказала:

– Линочка, дорогая, тебе пора замуж.

Если бы такое сказал кто другой, Эвелина бы сорвалась и наговорила колкостей, но бабушка никогда не говорила глупостей!

– Ты так думаешь, бабушка?

– Конечно, моя золотая! Тебе уже двадцать два, в этом возрасте у меня родилась твоя мама.

– А сама мама вышла замуж намного позднее!

– Мама – это мама, а ты совсем другой человек! Каждому овощу своё время!

– Значит, ты считаешь, что мне уже пора?

– Конечно, но что ты так обречённо вздыхаешь? Просто пришло твоё время! Оттого и мысли у тебя необычные.

– А как я буду учиться?

– А как твоя мама сумела защитить кандидатскую? А ты, моя золотая, ничуть не хуже мамы.

– Ты так думаешь, бабушка?

– Линочка! Ну конечно! Я просто уверена! Ты даже лучше мамы.

– Но ведь это не значит, что я должна выйти замуж за первого встречного?

– Конечно, нет. Я просто хотела сказать, что твои мысли, изменение настроения – это всего лишь коротенький период хандры, он характерен для всех, когда возраст подходит.

– Я Старая дева?

– Ну что ты, Линочка! Дорогая моя, кто тебе такое сказал?

– Да ты же, только что и сказала!

– Да ни в коем случае, душенька моя! Прими спокойно перемены и всё образуется, вот увидишь!

– Хорошо, спасибо, бабушка, – как-то устало попрощалась Эвелина, – до свидания.

– До свидания, моя золотая, – пролепетала бабушка и добавила в тьюкающую трубку, – надеюсь, сделаешь ты меня и прабабушкой.

Эвелина охватила голову руками и призадумалась, что же такое происходит? Очередной возрастной криз? Или ин-

стинкты материнства? Так или иначе, а бабушка как всегда права. Наверное, действительно пора замуж. Пора жить самостоятельно. Какая это жизнь – самостоятельная, Эвелина не знала. Она только чувствовала, что другая. Тревожная неизвестность манила и пугала одновременно. Эвелина представила себя с детьми в ожидании мужа. Уже за полночь, а супруга всё нет и нет.

Причиной его отсутствия может быть только несчастный случай.

Она вздрогнула от ужасной догадки, резкая боль сильно уколола сердце, стало нечем дышать. Эвелина мотнула головой, отгоняя наваждение, и пришла в себя. Какой муж? У неё ведь ещё никого нет! Просто бабушка сказала о том, что пора замуж, только и всего. А вдруг у неё ничего не выйдет? Ни замужества, ни детей? Абсолютно ничего! «Абсолютна только вечность», – лучше и не скажешь.

Опять вспомнился Алик. Странно, она знала этого Алика всего несколько часов! При чём тут Алик? Эвелина постаралась выбросить из головы нового знакомого со странными глазами, вытеснить его образ воспоминаниями о ком-нибудь другом. Вот был у неё знакомый в школе – Кирьяков, дурак конечно, но ведь не отставал. Оказывал знаки внимания, даже записки на уроках писал. Про любовь ни слова, но ей и так всё было понятно. Эвелина тогда долго морочила голову пацану, обещая подумать над его предложением о дружбе. Не нарочно конечно, просто она понятия не имела, а что бу-

дет, если согласиться на его предложение дружбы? Наконец, она рассказала маме о своих сомнениях, та обещала помочь. А на другой день вдруг сказала, что дружить с мальчишками в тринадцать лет не то чтобы рано, но позорно! Тем более с такими, как Кирьяков. А всё потому, что у Кирьякова нет будущего! Как его отец с матерью пашут на заводе, так и он всю жизнь станет там пахать. Это конечно не позорно, но Эвелине уже сейчас следует думать первично об образовании, а всё остальное само собой образуется.

Вот, пожалуй, и подошло время, когда начинает всё само образовываться. Так сказала мудрая, добрая бабушка. Эвелина успокоилась.

Что будет, то будет. Только тень тревоги осталась на душе, да чуточку щемило сердце.

Пришла мама, грустная и раздражённая. Эвелина решила ничего не говорить ей. Карина Львовна наскоро попила чай и плюхнулась в кровать. А Эвелина ещё долго смотрела в потолок в тёмной комнате, ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. Она встала с постели, включила свет, села за стол и честно поставила себе тройку за прошедший день.

– Лина? Ты не спишь? – устало спросила Карина Львовна, проснувшись.

– Мама, почему повешался отец?

Карину Львовну как будто подбросило на кровати, она резко села и укоризненно посмотрела на дочь.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я до сих пор не знаю.

– Странно, я же говорила тебе, что он бросил нас, когда тебе и годика не было, а встречался с тобой всего один раз и то, когда тебе было уже восемнадцать! – со злостью произнесла Карина Львовна.

– Но я ведь не об этом спрашиваю, – неожиданно заупрямилась дочь.

– Я тебе и объясняю, он нас бросил, бросил! Понимаешь?

– Всё понимаю, – отрешённо сказала Эвелина. – И всё-таки, почему он так поступил?

– Я затрудняюсь ответить, – ни капли не солгала Карина Львовна.

– Он уже с нами давным-давно не жил! Вот это я пыталась тебе сказать.

– Но ведь он жил вообще! – не сдавалась дочка.

– Ну и тему ты выбрала среди ночи! Давай лучше спать. Я обязательно узнаю и расскажу.

Но Карина Львовна слукавила, она не рассказала ничего ни через день, ни через неделю, посеяв зерно сомнения и недоверия в душу дочери.

5

В субботу, как и обещал, Пётр подъехал к малосемейке медицинского.

– Рим, ты не хочешь подзаработать? – с ходу задал он глупейший вопрос.

– Сегодня?

– Ну, конечно же! Прямо сейчас!

– Опять презентация?

– Нет, консультация, причём по твоему профилю!

– Это ты насчёт своих соседей, стариков?

– Да нет же! Об них всё ясно, да и кто за них заплатит?

Здесь дело в другом, один человек, весьма уважаемый кстати, желает получить консультацию, помощь психолога.

– Это не ко мне, – парировал Рим. – Это дело психотерапевта.

– Знаешь, почему я не стал работать в медицине? – неожиданно спросил Пётр.

– Понятно, почему!

– Ничего тебе не понятно! Да только потому, что вы там все как один стараетесь спихнуть ответственность друг на друга!

– В смысле?

– В том смысле! Я же помню, как нас учили: «В первую очередь поставь в известность заведующего отделением»!

Если же увидел хоть что-то не своё – немедленно сплавь больного к специалисту!

А не удалось сплавить – собери в историю болезни побольше разных консультаций! Заметь, никто не учил лечить самостоятельно!

– Учили – это одно, а работать самому надо.

– Правильно, самому! Вот потому-то я работаю в другом месте, где сам на себя беру ответственность! А тебя попросил дать консультацию, такты сразу: К психотерапевту!

– Да пойми ты, я не консультирую! Это привилегия профессоров, академиков, а никак не аспиранта!

– Як тебе, как к другу обращаюсь.

– Ты?

– Я!

– Так ты нуждаешься в консультации?

– Почти что я. Понимаешь, очень нужный человек, он много значит для моего бизнеса, да и не за бесплатно просит!

– Как-то это всё подозрительно выглядит.

– Почему?

– Потому что в нашей стране не принято искать совета у врача-психиатра!

– И у нас в стране уже есть прогрессивные люди, понимаешь?

– Твои соратники по бизнесу?

– Хотя бы и они, что в этом подозрительного?

– Я даже не знаю, в чём дело-то?

– Тебе всё пояснят. Вникнешь в проблему, подскажешь решение и всё! Людям добро, а тебе бабки! Согласен? Ну, по глазам вижу, что согласен! Так поехали?

– Куда?

– К твоему пациенту, куда ещё?

– А я-то думал, ты в ресторан приглашаешь!

– Конечно, приглашаю! Заедем, уладим кое-что и в кабак!

– Хорошо, поехали, всё равно ведь не отстанешь! Ты ведь уже пообещал привезти специалиста, я верно понял?

– Вот видишь, ты меня понимаешь! Только одна просьба, пожалуйста, не удивляйся ничему.

– Хорошо, – согласился Рим. Психиатру, вообще, не следует ничему удивляться.

Едва они подъехали к здоровенному трёхэтажному особняку, как открылись металлические ворота и пропустили гостей внутрь. Типичный английский метрдотель, галантно открыл двери и сухо пригласил в дом. Утопая в мягком ковре, друзья последовали за лакеем. Внутри было сумрачно, настенные бра тускло освещали путь. Так они прошли по длинному коридору и остановились перед дверьми из красного дерева. Слуга стунул кольцом трижды.

– Проходите, – властно разрешил голос изнутри.

Рим сделал шаг вперёд и оказался один в большой комнате, более похожей на кабинет, чем на гостиную. Внутри так же сумрачно, окон не видно. Тусклое мерцание, непонятно откуда, освещало лицо Рима да небольшое возвышение на-

против, сверкнул камень на перстне хозяина кабинета. Видны только морщинистые ладони, далее свет не распространялся. По тёмному силуэту можно было догадаться, что хозяин сидит в высоком кресле.

– Ты, значит, человек науки?

– Аспирант по психиатрии, – уверенно ответил Рим.

– Вот и хорошо, присядь, там рядом кресло.

Рим оглянулся, действительно, у самых дверей стояло кресло, он присел на краешек и приготовился слушать.

– По знаниям или по протекции?

– По знаниям.

Вопрос вполне резонный, человек желает знать, с кем имеет дело. Со специалистом или с шарлатаном.

– У меня проблема, – голос умолк и глубоко вздохнул, – не знаю, как и начать.

– Будет наверное проще начать с самой сути, – подсказал Рим.

– Пожалуй, ты прав, – согласился голос. – Так вот, дело в том, что меня хотят убрать люди из моего окружения. Я примерно знаю кто, но до конца не уверен.

– Чем я могу помочь?

– Поможешь разобраться в моей фантазии: или это правда, или паранойя.

– Постараюсь.

– В последнее время мне стали уделять повышенное внимание, чего раньше не случалось. Дошло до слащавости.

Противно даже находиться среди таких людей! Особо старается самый приближённый ко мне человек. Он настолько стал заботливым, что кое-где начал принимать решения за меня.

– А что он из себя представляет?

– Чуть помоложе меня, поэнергичнее, но трусоват, это-то истораживает. Он становится смелее день ото дня!

– Возможно он знает что-то, чего не знаете вы?

– Вот и думаю, наверное он решил занять моё место, вот и ждёт, да только скрыть не может своей нервозности.

– В чём она проявляется?

– Он смотрит мне в глаза.

– А раньше он этого не делал?

– Только изредка, а теперь каждый раз.

– А не говорит ли он что-нибудь необычное?

– Вроде бы нет, но стал спешить куда-то в последнее время.

– А не становится ему хуже, если он не сумеет уйти под каким-либо предлогом?

– Дай, подумаю. Вроде нет, хотя начинает дёргаться!

– Злиться?

– Да, пожалуй. А ещё один факт: у него начали таять счета.

Когда я проверял всех своих людей, то заметил.

– И когда это началось?

– С месяц назад.

– Ас какого времени вы стали подозревать его?

– Примерно с полмесяца. Поначалу я не придавал значения, а потом насторожился.

– А насколько вы ему доверяли?

– Как брату, как самому себе!

– А есть ли ещё кто из подозреваемых?

– Поведение людей диктует он, все берут с него пример. Так что – других подозреваемых нет. Я всё сказал, что позволено тебе знать, теперь ответь на вопрос: имеется реальная опасность или это паранойя?

– Опасность имеется, но более для вашего друга. Судя по всему, его здоровье внушает опасения.

– Да?!

– Вам, возможно, следует продержатъ его возле себя более 72-х часов.

– Куда ты клонишь, я понял. Но ведь такого быть не должно!

– Если это не так, то стоит спросить у него, о чём таком тайном ему известно.

– Хорошо, попробуем. Но смотри, ты сейчас решил судьбу человека. Дай Бог тебе не ошибиться! – прозвенел колокольчик, и Рима вывели в коридор.

Там уже ожидал Пётр, он молча взглянул на друга и указал на выход. Совсем в другую сторону: зашли они слева, а выходили вправо. Тот же швейцар закрыл за ними двери. Только оказались друзья не на улице, а в холле, в ярко освещённом помещении с хрустальными канделябрами. За массив-

ным письменным столом сидел какой-то клерк. Он попросил подойти. Чётким движением руки он вынул из ящика стола пару сотен зелёных, вручил их Риму и вежливо попрощался.

– Вот и делов-то! – радостно отметил Пётр, когда друзья оказались на свежем воздухе. – Теперь поехали кутить!

– Угощаешь?

– Уже зажлобился? Вот что деньги с человеком делают! Ну-ну, не дуйся, пошутил. Конечно же, договор в силе! – Пётр возбуждённо похлопал друга по плечу. Словно гора свалилась с его плеч! Ведь он обещал привезти специалиста, абы не сдержал слова? Об этом и думать не хотелось.

Машина завелась с полуоборота, только ворота, на этот раз, вручную открыл хмурый субъект атлетического телосложения. Рим мельком глянул на него, чем-то охранник показался ему знакомым.

– Какой-то знакомый тип.

– Кто? – насторожился Пётр.

– Да тот, что ворота открывал.

– А, этот? Да это же наш Никола, помнишь его?

– Ещё бы, недавно его видел. Кандидатский всё сдать не могёт.

– Тоже в люди норовит! Каждый нынче крутится, как может!

– Это верно, вот и я начал крутиться с твоей помощью!

– А что? Правильно! Отконсультировал, бабки получил и нормалёк!

– Только вот мне кажется...

– Что тебе может казаться? Когда, кажется – это ведь галлюцинация, так вроде бы классифицируется?

– Скорее, иллюзия.

– Бабки-то реальные! Что ещё?

– Тут ты прав.

– За три минуты работы – двести баксов, да чтоб я так жил! А тебе что-то там кажется! Кстати, приехали!

Они вошли в скромное заведение, Пётр предъявил какую-то корочку, вышибала улыбнулся ему и кивнул на Рима.

– Это мой гость, – сказал бизнесмен.

– Строго у вас, – заметил Рим, когда они уселись за столик.

– А как иначе? – широко улыбнулся друг и щёлкнул пальцами, подзывая официанта. Он решил не делать вечеринку, а устроить встречу двух давних друзей.

Пётр отшил, присевшую было к столику, знакомую:

– Сегодня ты не в форме! – утвердительно обратился он к размалёванной девице. Она надула губки и тут же ретировалась.

Петру хотелось посидеть, пообщаться, а бабы, как известно, никак не способствуют разговору. Только-только сосредоточишься, так она повиснет на плече, требуя внимания к собственной персоне. Не сбросишь же её! Поэтому Пётр, так неожиданно грубо, отказался от услуг девицы.

Друзья сидели, толковали о том, о сём. И вновь обо всём.

Вспоминали счастливые студенческие годы, связанные с ними приколы и огорчения, да и вообще, то смутное время в стране, когда среди коммунистов начался раскол, который привёл к перестройке и последующему краху империи – СССР.

– А помнишь, – сказал Пётр, – как нас на роды водили? Всех подряд, кто оказывался в этот момент в роддоме?

Конечно, Рим помнил, роды в то время считались диковинной редкостью. Студенты, занимаясь акушерством, за весь год могли ни разу не попасть на роды. Поэтому их загоняли в родзал по двадцать-тридцать человек одновременно. Они стояли кто где, особо активные старались пропихнуться ближе, акушерка немилостиво рывкала на них, кое-кого грубо отпихивала от стерильного столика. Счастливики успевали краем глаза увидеть, как зарождается новая жизнь. Петька с Римом обычно видели только макушку родильницы, полагая, что более ничего интересного нет.

– А я вот запомнил такой случай, – задумчиво произнёс Рим. – Как-то оказался я в магазине, вроде бы за хлебом зашёл. Так вот, смотрю на огромную очередь – кажется, тогда минтай продавали – маленькая девчушка лет четырёх, тащит маму за руку и просит купить сахарку. Вот как! Я вспомнил сразу, что в своё время просил конфет, да ещё не всяких, а самых лучших, а она сахару просит.

– М-да, – задумчиво протянул Пётр, – а в ЦУМе что было? Голые прилавки и скучающие продавцы. Даже самое дерьмо

разобрали, весь ширпотреб исчез!

– Зато теперь всюду изобилие! Всё, что душа пожелает! Только плати, успевай.

– И правильно. А когда и кому раньше удавалось попробовать зимой виноград? Это я о простых людях говорю. А бананы только в столице видели, и то по большим праздникам! Дрянь конечно, но всё-таки, – Пётр вроде бы захмелел.

– Как назад поедем? – кивнул Рим на полные рюмки.

– Ерунда! Шофёр на телефоне дежурит. Давай ещё графинчик уговорим!

– Пожалуй, мне хватит. Завтра работать надо.

– Да какая там у тебя работа? Оперировать что ли? В выходной до обеда отвалеешься на диванчике, а потом всё пройдёт.

– А если вызов?

– Да какой у тебя вызов? Санитары скрутят-свертят, историю оформишь и делов-то! – Пётр щёлкнул пальцами.

Извечно добродушный, до неприятной слащавости, официант грациозно поставил на стол графинчик.

– Кстати, скажи, пожалуйста, Рим, чем всё же опасна шиза?

– Шизофрения – это болезнь. Вопрос твой странный.

– И всё-таки, попытайся ответить! – Петька отхлебнул коньячку и понюхал шоколадку.

– Это с какой стороны поглядеть, – задумчиво произнёс Рим.

– Давай, выпей, и всё встанет на свои места!

Рим последовал совету, почувствовал, что хмелеет. Что ж, иногда разрядка необходима. Он расслабился, и мозг начал работать легче, и язык свободнее выдавать мысли.

– Всё-таки это болезнь, как бы странно не звучало.

– Ты хочешь сказать, что всякая болезнь без лечения, в итоге приводит к смерти?

– Вот! Именно это и хочу сказать. Шизофрения приводит к полному развалу личности, инвалидизации, которая проявляется в неспособности себя обслуживать, а это состояние неизбежно заканчивается смертью.

– Так ведь руки-ноги целы! – недоумевал Пётр. В его голове никак не укладывалось, какой это инвалид с целыми руками-ногами?

– Нарушается адаптация. Человек теряет способность приспосабливаться к окружающей среде.

– Ну, ты даёшь! Нас же с детства учили: «Не надо приспосабливаться»! Даже термин выдумали – приспособленец!

– Я говорю об адаптации, а не о приспособленчестве!

– Слушай, я что-то подзабыл эти термины. Скажи по-русски!

– Очень простой пример: когда тебе холодно, что ты делаешь?

– Когда как. Когда сто грамм пропущу, когда с женщиной погреюсь.

– Вот видишь, тебе даже в голову не пришло, что в первую

очередь ты оденешься потеплее!

– Ты что хочешь сказать? – нахмурился Пётр, в нём проснулся страх перед психиатром. – Я что ли, того?

– Вовсе нет, скорее, наоборот! Ты считаешь это само собой разумеющимся, не раздумывая, одеваешься, а затем изобретаешь другие методы разогрева! Не пойдёшь же ты на улицу в одних трусах, искать женщину для сугреву?

– Ха, ха, ха! Понял! Понял! И всё так просто объясняется? Только потеря адаптации?

– Конечно! А ты думал, что шизофреники – дураки? Так вот, замечу тебе, среди шизофреников глупых людей не встретишь!

– А как тогда объяснить их безумные поступки?

– В смысле, какие безумные поступки?

– Ну вот, выйти в трусах на улицу – это одно, а если, к примеру, завалить кого, а?

– Это не так часто встречается.

– Но ведь бывает?

– Это тоже нарушение адаптации – социальной. Нарушается закон.

– Так убьёт ни за что, ни про что! Потом ищи-свищи, кто и за что замочил!

– Это для тебя – ни за что, ни про что, а у больного – всё обоснованно и понятно. А может он, убивая, приносит пользу человечеству?

– Мне непонятно! Я, например, укокошу завтра како-

го-нибудь чинушу-взяточника – это ведь тоже польза? Значит я, того?

– Опять ты привязываешь поступок к действительности! У больного нет никакой окружающей обстановки, у него – внутренний мир. Он живёт только в нём, а обычного не замечает.

– Если он живёт в своём мире и доволен им, то почему же он в итоге умрёт?

– Так потому! Все его эмоции, все чувства направлены во внутренний мир, то есть он теряет их.

– Что за чувства он теряет? Любовь что ли?

– Вот любовь-то как раз и не теряет! Любит глобальное: вселенную, космос, человечество в целом, а ближних перестаёт замечать.

– Поэтому они и сдают его в психушку!

– Бывает и так.

– А отчего помрёт-то?

– Я же сказал: теряет все чувства! Чувство голода, например!

– От голода умирает?

– Это только одна из причин. Он может умереть и от холода, и от жары – если вздумает прыгнуть в костёр. А чаще всего больной погибает от полного умственного истощения.

– И всё-таки он становится дураком?!

– Чаще всего до этой стадии болезни он не доживает.

– Почему?

– Мозг, как тебе известно, не только для того, чтобы думать.

– Помню, помню, – замахал руками Пётр, – центры двигательные, чувствительные, речи и так далее.

– Вот тебе и ответ! Мозг, координирующий жизнедеятельность организма, исчерпывает все свои возможности. Для поддержания тонуса жизни уже не может посылать импульсы: не надо ни есть, ни пить, ни как-то иначе приспособляться. Внутри себя человек уже приспособлен, поэтому он умирает.

– Правда, что вы их выпускаете из больницы надолго?

– Вне приступа, человек не опасен ни для себя, ни для окружающих! Мало того, скажу небольшой секрет: многие работают на прежних местах.

– Да ты что? – чуть не подавился Пётр.

– А ничего! Когда мозг перестаёт выдавать болезненную продукцию, человек ничем не отличается от других.

– И много их, дуриков, по стране?

– Слушай, Пётр, ты человек грамотный. Если тебе интересно, возьми справочник, посмотри там частоту заболеваемости и прикинь к количеству общего населения. В общем, если захочешь, сам подсчитаешь!

– А если бы я был врачом, упаси Бог, конечно, то ты бы мне сказал?

– Конечно, нет! Ты бы стал хирургом или терапевтом, я тебе могу сказать, что твой заведующий – наш пациент?

– Хорошо, хорош! Не пугай меня! – замахал руками Петька. – Эдак вокруг все больными станут!

– Вот и верно, давай оставим эту тему.

– Только ты мне скажи вот что: а что ты там пишешь? Куда, в какую сторону двигаешь науку? Изучаешь что, что рекомендуешь?

– Тебе что интересно?

– В плане полезности! Толку-то будет от твоей диссертации?

– Честно? – посмотрел в глаза Петру Рим.

– Честно! – согласился Пётр.

– Если честно, то от диссертации – никакого!

– Ха-ха-ха!!! – залился Пётр.

– Х, х, х-хэ! – сдержанно подхватил Рим.

– Вот, ха-ха! Значит, ха-ха! Какой ты ерундой занимаешься! С твоими-то мозгами! Я представляю тему!

– Изменение, – начал аспирант, но его тут же перебил друг.

– Помолчи секунду! Лучше выпей. Я сам сейчас угадаю!

Пётр деланно нахмурился, изображая глубокую задумчивость, приснул со смеху, отдышался и выдал:

– Изменение метаболизма мозга крысы, в условиях средней полосы, при выходе из искусственно созданной клинической смерти! Угадал?

– Почти, – улыбнулся Рим.

– Вот видишь! Стало быть, мил человек, ерундой ты за-

нимаешься! Ха-ха!

– Именно так, – захмелевшим голосом согласился Рим.

– А вот скажи мне, пожалуйста, что за цель ты перед собой ставишь? Если защищаешь такую чушь? Где она, польза-то от науки?

– Я тебе по секрету скажу, – склонился слегка кпереди Рим, – помимо официальной темы у меня есть и другой замысел.

– Вот это – правильно! – обрадовался Пётр. – Давай выпьем за это! Они выпили.

– Мне хочется доказать действенность несколько иного подхода к лечению шизофрении, – сказал Рим. – Дело в том, что традиционные методики, мягко говоря, малоэффективны.

– Точно! – в порыве Петька пожал руку бывшему однокашнику. – У нас один парень со двора решил закосить под дурика, положили его в психушку, подержали полгода. От армии, конечно, отмазался. Только вот, остался на всю жизнь дураком!

– Вот я и хочу попробовать сделать так, чтобы таких случаев стало как можно меньше! А главное, интровертная психотерапия!

– Какая?

– Знаешь же, что люди делятся на экстра – и интравертов?

– Ну и что?

– А то! Если попытаться не бить по больной голове, но

освободить её от боли? Лучше станет, как полагаешь?

– Глупый вопрос! Только чем эта интровертная отличается от обычной?

– А помнишь, как нас учили? Чтобы победить врага, нужно хорошо его изучить!

– Карл Маркс, что ли?

– Не совсем, но не суть важно! Главное – новый подход! Изучение психики больного изнутри для выведения пациента из ненормального внутреннего мира.

– Я понял! Ты хочешь перевернуть всю психиатрию с ног на голову, – догадался Пётр, – но при чём тут крысы?

– Какие крысы? – удивился Рим.

– Те самые. Средней полосы. Ха-ха-ха!!!

– А-а! Вспомнил! – Рим хлопнул себя по лбу. – Крысы! Крысы!!! Ха-ха-ха!!!

Ему тоже стало необычайно весело!

К научной теме они больше не возвращались, начали вспоминать вещи повеселее. Так и просидели до двух ночи, хорошенько разрядились. Пётр предложил продолжить вечер у него, уже по полной программе, но Рим тактично отказался. Бизнесмен не стал настаивать, вызвал шофёра фирмы и приказал отвезти Рима к общаге. Затем они, обнявшись, попрощались. Пётр ещё раз посетовал, что друг не желает составить ему компанию и ввалился в заднюю дверцу своего BMW.

Когда выхлопные газы обдали Рима, он вспомнил о сего-

дняшней консультации. За весь вечер, ни один из них, словно сговорившись, не затронул эту тему! От этого сделалось тоскливо на душе. Рим подумал, что вляпался в какой-то иной мир, от которого остался неприятный осадок на душе.

Миновали дни, Рим полностью погрузился в работу, Пётр не появлялся, но неприятный осадок не растворился, наоборот, ещё более сгустился.

6

Поначалу Владимир сидел с отрешённым видом и откровенно скучал. Но время потихоньку шло, и деться было некуда. Так или иначе, ему пришлось прислушиваться к действию, творившемуся в зале народного суда.

– Ас какого года вы работаете вместе? – въедливо спросила адвокат ответчицы.

– Да я, можно сказать, с пелёнок её знаю! – гневно парировала Карина Львовна.

– Вы-и, – протянул адвокат, – надеюсь, выражаетесь фигурально?

– Да без меня она ничего не смогла бы достичь!

– Отвечайте на вопрос, – зевнула судья с отёкшим лицом.

Судебный процесс больше походил на шоу, чем на серьёзное заседание служителей Фемиды. Владимир решил смотреть внимательнее. Оказалось, что не так уж и скучно! Судья вообще большая хохмачка, что ни слово, то перл!

– Мы знакомы с того самого времени, когда...

– А вы ответьте на вопрос! – поковырялась судья в отвислом ухе, увенчанном огромной полупудовой серёжкой. – Чего вы нам так всю биографию рассказываете? Ведь ясно задан вопрос, с какого года вы работаете вместе с ответчицей?

Карина Львовна побагровела, какое это имеет значение? Она взглянула на своего адвоката. Законник, заплывший жи-

ром, встрепенулся, если это можно так назвать, на самом деле он немного и тяжело двинул ягодицами, складки жирового слоя аморфно перекатились друг на друга, а когда он, наконец, разинул рот, сверкнув суперзолотыми зубами, четвёртый этаж подбородка ловко скрылся.

– Ваша честь, – заискивающе склонился он к судье, – позвольте.

– Не позволяю! – отрезала судья, упиваясь сознанием собственного превосходства. – Пусть истица ответит на вопрос!

– Моя представительница полагает.

– Что она может полагать? – искренне удивилась судья, и обратилась сама к истице. – Вы полагаете вопрос бестактным? У вас склероз? Иначе я попросту не могу понять, почему не отвечаете толком, а вешаете лапшу!

Ей бы по телику выступать в предвыборных дебатах, заключил Владимир. Он подавил в себе смешок.

– Ну не в лоб, так по лбу! Как Зоя Космодемьянская на допросе!

Ну да хорошо, проехали! Ну, а дальше? – судья вопросительно уставилась на адвоката ответчицы. – Ещё вопрос?

Положительно, судью невозможно обвинить в предвзятости, она одинаково по-хамски относится к обеим сторонам. Молоденькая адвокатша, которую Владимир поначалу принял за секретаршу, смутилась и присела.

Удивительно легко и мгновенно подскочил защитник Карины Львовны.

– Скажите, пожалуйста, – обратился он к Алине, подруге Владимира и ответчице, – насколько вы приблизились к разгадке теоремы Ферма?

– Я?! – смутилась ответчица. Столь глупейший вопрос застал её врасплох.

– Ну, не я же! – выдала судья и воткнула большой палец в правую ноздрю, утопив его настолько, что Владимиру показалось, ещё чуть-чуть и ноздря судьи вывернется наизнанку! Но этого не случилось, палец резко соскользнул, рука судьи описала изящный полукруг и застыла прямо перед её глазами. Она с отвращением посмотрела на зеленоватую козюлю, покрутила пальцем, затем брезгливо обтёрла руку об распухшие материалы дела.

Все заморожено наблюдали за гигиеническими манипуляциями народного судьи. Владимир подмигнул подруге, мол, будь попроще!

– Мы не занимаемся данной проблемой! – приободрёно ответила Алина.

– А кто, позвольте вас спросить, занимается данной проблемой, как вы изволили выразиться? – не отставал заплывший жиром адвокат.

– На сегодняшний день я не могу сказать это с полной уверенностью.

– Так что? Отложим процесс на завтра? Или как? – судья искоса осмотрела ответчицу. – Ты, вроде, помоложе. А тоже что ли склероз?

Владимир сглотнул слюну, чтобы неожиданно не расхохотаться.

Как свидетель ответчицы, он не мог так неуважительно отнестись к суду, но как сторонний наблюдатель едва сдерживался. Только любовь к Алине удержала его от всплеска саркастического смеха. Это ж надо! Откуда выкопал этот боров теорему Ферма? Судья, похоже, не имеет никакого понятия о предмете разговора, зато держится с величайшим достоинством! Ну а Карина Львовна, она-то что? Вот её бы и спросить об этой самой злополучной теореме! На протяжении двух веков ведущие математики мира бились над разгадкой этого положения, да так и не сумели доказать теорему. Аксиомой её тоже признать нельзя, согласно преданию этот самый Ферма написал-таки доказательство своей теоремы, только оно где-то потерялось. За давностью лет математики опустили эту проблему. Действительно, как будто в науке нет других направлений!

– Ну, я вижу с вами, математиками, далеко не уедешь! – констатировала судья. – Если вы даже о своём предмете не имеете понятия, то, что с вас спрашивать знания закона?

– Позвольте пригласить моего свидетеля? – подняла руку, как школьница, адвокат истицы.

– А нам нужен этот свидетель? – куда-то в пустоту зала обратилась судья.

Молодуха с юношескими угрями на лице согласилась почтительным, но от недостатка опыта, несколько угловатым

КИВКОМ.

– Хорошо, давайте! – милостиво согласилась судья.

– Кто вы такой есть? – обратилась она к вставшему на ноги Владимиру.

Поистине философский вопрос! Судья, оказывается, мыслительница.

Владимир назвал, ответил: где проживает, где и в качестве кого работает, дал подписку, что будет говорить только правду, что предупреждён об ответственности за дачу ложных показаний. Только после этого советница начала опрос.

– В какой должности работает истица?

– Ассистент кафедры, доцент.

– Разве она не кандидат математических наук? – поразилась судья.

– Кандидат, но это учёная степень, а не должность.

– А доцент тогда кто? Не учёная совсем ничему?

– Доцент – это должность.

– А ассистент?

– Тоже должность.

– Но доцент – это всё-таки математик?

– Да.

– Наконец-то, – с явным облегчением вздохнула судья, – разобрались с трудом. Продолжайте!

– Подчиняется ли ответчица непосредственно истице? – спросила адвоката.

– Да.

– Ваша честь, позвольте мне задать вопрос! – апеллировал к судье толстяк.

– Я протестую! Мои вопросы ещё не все раскрыты!

– Протест отклоняется, – пухлой рукой в воздухе судья как бы отодвинула протестующую. – Спрашивайте!

– А вы подчиняетесь истице?

– Да.

– Спасибо, – удовлетворённо поблагодарил адвокат и уселся с победным видом, слегка кивнув в сторону судьи. Мол, видите? И он недоволен начальством!

– Влияет ли мнение истицы на профессиональный рост ответчицы?

– Безусловно! Карина Львовна является членом Учёного совета.

– Членом чего она является? – ехидно поинтересовалась судья.

– Она входит в состав Учёного совета, – поправился Владимир.

– И что этот совет решает?

– В праве совета допустить или нет соискателя к защите учёной степени.

– А ответчица претендует на соискание?

– Да.

– Кратость – сестра таланта, как говорил Шолохов, – судья блеснула знаниями литературы. – Вы что, кроме да-нет, других слов не знаете?

– Знаю.

– А не кажется вам, что ваши ответы несколько инфантильны?

– Я стараюсь, – прикинулся Владимир рваным пиджачком.

– Старайтесь лучше! – подбодрила судья.

– Скажите, пожалуйста, насколько готова работа ответчицы к защите? – молодая адвоката вновь подала голос, довольно-таки ловко внедрившись в речевой поток судьи.

– Насколько я знаю, уже сейчас можно представить материал к предварительной оценке.

– А какова ваша роль в разработке научной темы?

– Иногда я ассистирую.

– Вы являетесь соавтором?

– Нет.

– А кто конкретно, из Учёного совета, отказал ответчице в защите работы?

– Это решало много человек.

– Сколько было против?

– Пять.

– Среди них была истица?

– Да. Она была ответственным секретарём Учёного совета.

– Да что это за совет такой? Что за ответственный секретарь, что за генеральный секретарь? – возмутилась судья. – По-моему, Советской власти уже давно нет, или я ошиба-

юсь?

Никто не ответил. Вопрос завис в воздухе. Такова судьба всех риторических вопросов.

Судья самостоятельно разрешила проблему, ибо в суде никогда не остаётся нераскрытых вопросов.

– Понятно, существует Советская власть в отдельно взятом учебном заведении! Ну, так что? Что, этот совет, отклонил работу ответчицы?

– Отклонил. Отклонил, не смотря на положительные отзывы зарубежных коллег.

– А конкретнее?

– Были напечатаны отзывы Академией объединённого Королевства.

– Это где? В Англии что ли?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась адвоката к Владимиру, – а почему статьи были напечатаны не у нас, а за рубежом?

– Дело в том, что Учёный совет не дал визы на публикацию в нашей стране.

– И вновь там была истица?

– Ваша честь, – поднялся толстяк. – Я протестую! Адвокат ответчицы подсказывает ответ!

– Хорошо, – неохотно согласилась судья. – Спрашивай по-другому.

– Чьи подписи должны стоять на визе?

– Председателя, ответственного за научные публикации, ответственного секретаря, – терпеливо принялся перечислять Владимир, но судья прервала свидетеля.

– Эдак мы до утра будем выслушивать весь список! Точнее скажите: какая роль истицы в этом? – так судья отклонила протест.

– Одна из решающих.

– Однако решение было коллегиальным! Или единоличным? – вновь подскочил обрюзгший адвокат.

– Решение коллегиальное, но каждый член совета имеет право «Вето».

– А кто воспользовался им? – опять словчила молоденькая адвокатша, не обращая внимания на протестующие жесты оппонента.

– Карина Львовна.

– Вопросов больше нет, – защитница удовлетворённо присела.

– А у меня есть, – толстяк неторопливо поднялся, одёрнул пиджак поправил галстук и с чувством собственного достоинства солидно открыл рот. – Какова практическая значимость этой работы для страны?

– Исследования проведены в области фундаментальной науки.

– То есть, я правильно понял, практического применения они не имеют никакого?

– Это фундаментальная теория, а не прикладная матема-

тика.

– Значит, я не могу прочесть эти статьи и извлечь из них, ну хоть какую-нибудь пользу? – спросила судья.

– Это сугубо научные материалы.

– То есть, не для средних умов? – поразительно точно догадалась судья.

– Я бы выразился иначе, – решил сгладить острый угол Владимир.

– По существу, это открытие способствует прогрессу. Когда начнётся внедрение новой технологии, нам всем станет понятно. Дело программистов – перевести формулы из высшей математики на общедоступный язык.

– Болото! – заключила судья.

– А скажите, пожалуйста, – вновь заявил адвокат, – может ли это открытие быть использовано сейчас?

– Для этого потребуются разработка технологии, материальная база.

– Отвечайте на простой вопрос! – скомандовала судья. – Не занимайтесь очковтирательством, скажите прямо: «Может или не может»?

– На сегодняшний день пока нет – это технология будущего! – гордо сказал Владимир.

– Таким образом, сегодня, сейчас, от такого открытия ещё нет пользы?

– Польза есть, оно показывает нам новое направление технологий.

– Скажите, а у нас в стране это осуществимо сейчас?

– Это возможно при общем подъёме производства, при...

– Короче, – сделала вывод судья, – у нас этот труд ляжет на полку, а в Англии его станут разрабатывать.

– У меня больше вопросов нет, – адвокат Карины Львовны с достоинством сел.

– При всеобщей разрухе о росте производства остаётся только мечтать. А мечта нереальна! – заключила судья и объявила: – На сегодня дело гражданки Липутиной Ка Эл против гражданки Кудриной А Эн закончено! Свидетели нужны? – судья обратилась к адвокатам, сидящим друг напротив друга за столиком, придвинутым к судейской трибуне.

– Нет, ваша честь.

– Итак, тогда завтра зачитаем заключение суда. Всё, все свободны! Повестки отметите в канцелярии по гражданским делам!

На этом закончился один из эпизодов околонаучной распри в суде.

Владимир устало потянулся, помог одеться подруге, отыскав её шубку среди наваленной кучи одежды свидетелей из разных залов суда. Гардероба, как и туалета, в здании суда почему-то не предусматривалось.

– Ох, – вздохнула Алина, – ещё и завтра сюда идти. Ты как думаешь, сожрёт она меня?

– Не думаю, – оптимистично заявил Владимир. Ему за два часа до процесса отец Али, будущий тесть, поведал по

секрету, что иск гражданки Липутиной будет отклонён. В детали он внедряться не стал, а Владимир вежливо промолчал. И правильно, чего ему лезть куда не следует: у них там своя кухня, у математиков – своя. Настораживало только одно – заведующая кафедрой Зельма Яковлевна наострила лыжи на историческую Родину, а Карина Львовна форсированно заканчивала докторскую. Вот когда Липутина получит власть, тогда им с Алиной придётся подыскивать новое место работы.

– Ни за что и никогда! – сказал он вслух, стараясь верить собственным словам.

– Пусть будет так, – покорно согласилась Алина и обняла Владимира посреди улицы.

– Конечно, конечно, вот увидишь, всё будет нормально, – нежно погладил подругу по голове Владимир.

Ох, и времена теперь настали. Сексуальная революция, ничего не скажешь. Если раньше показывали фильм до шестнадцати лет, то все люди были уверены, что роли играют муж и жена. Супруги в жизни, любовники на экране. Скорее всего, так и было. А теперь что? Как собаки лижутя, на виду у всех, тьфу! И холод им нипочём, радуются! Они ведь выиграли процесс, не иначе. Карина Львовна в этом уверена на все сто. Но ничего, будет и на её улице праздник! Адвокат подаст кассацию, непременно подаст! А куда ему деться? Дочке-то учиться надо! Глупенькая конечно, выбрала себе непрестижную профессию, но что теперь ему делать-то? Яс-

но что, помогать будущей заведующей кафедрой.

А нынешний процесс уже предопределён, судья лишь упивается собственным чувством превосходства, и только. Наглый молодняк это чувствует, а может и знает наверняка, иначе чего бы им так радоваться?

Карина Львовна брезгливо обошла обнявшуюся парочку. Понятно, куда они теперь направятся. Жаль, что повестки отметили на весь рабочий день, а то можно было бы и прижать счастливиц за прогул. И тут самый гуманный суд в мире на их стороне! Госпожа Липутина чуть было не сплюнула сгоряча, но удержала себя в руках. К лицу резко притекла кровь, Карина Львовна почувствовала, как разгорелись щёки, запылала кожа на голове, казалось, волосы приподнялись дыбом, под мышками неприятно взмокло. Она приостановилась, пошла медленнее, с каждым шагом жар всё больше разгорался. Она остановилась посреди улицы, не обращая внимания на прохожих. Когда человеку очень плохо, уже не до того, что подумают люди. Карина Львовна остановилась, как вкопанная, колючий озноб охватил её тело. С головы до пят и обратно, словно прошёлся разряд тока, холодного такого, будто её пронзили огромной сосулькой. Сразу стало нестерпимо зябко, голова раскалывалась. Карина Львовна заметила, что стоит почти на проезжей части. В голове стучат молоточки, череп вот-вот расколется, но она не может и сдвинуться с места, ноги как будто налились свинцом, притяжение земли усилилось в десятки раз. Карина Львовна не

шелохнулась, ожидая окончания встряски. Кто-то бесцеремонно оттолкнул её в сторону, Карина Львовна чуть не упала, но сумела удержать равновесие. Она переместила тяжесть тела с одной ноги на другую и оглянулась. Прохожий, потревоживший её, умчался по своим делам. От негодования ей стало полегче, Карина Львовна бросилась вдогонку нахалу, не обращая внимания на стучавшие в висках молоточки. Молодой человек не подозревал погоню, но неожиданно для преследовательницы свернул и исчез во дворе. Гнаться за ним бессмысленно и глупо.

Карина Львовна перевела дух и огляделась. Оказывается, пошёл пушистый снег, снежинки падали ей прямо на голову. Неудивительно, почему стало так зябко. Она накинула капюшон, постояла немного, вслушиваясь в свой организм. Прилива больше не было. Лишь тупая боль где-то в глубине головы. Она не мешала, и Карина Львовна зашагала вперёд.

У витрины магазина стояла ещё одна парочка. Они не обнимались, не миловались. Девушка держала парня под руку и только. Знакомая курточка у неё, Карина Львовна подошла ближе. Надо же, вот так встреча!

– Эвелина?! Здравствуй!

– Здравствуй, мама, – отозвалась дочь. – У меня занятия уже кончились. Вот, решила прогуляться.

– А молодой человек? Ты разве не познакомишь нас?

– О, конечно. Это Алик. Алик, знакомься – это моя мама, Карина Львовна.

Алик учтиво склонил голову. Получилось очень даже неплохо: почтительно и неподобострастно.

– Я тоже свободна ненадолго, а вам что-то надо в этом магазине?

– Нет, мы просто разговариваем.

– Так давайте поговорим у нас дома! – предложила Карина Львовна. Она решила получше изучить этого Алика.

Алик из приличия попытался отказаться, но было видно, что он рад принять предложение.

Когда они вошли в квартиру, Карина Львовна распорядилась:

– Линочка, поухаживай за гостем, – а сама, извинившись, исчезла в ванной.

Эвелина поставила чайник, Алик проявил инициативу и подготовил заварник. Карина Львовна, освежившаяся, вошла в кухню и по-хозяйски отметила, что этот Алик что-то умеет делать. Он стоял над заварником и что-то колдовал. Когда чайник вновь закипел, он добавил в заварник ещё немного, прикрыл крышку полотенцем и объявил:

– Ещё три минуты, и чай готов!

– О! Да я вижу у тебя особая технология! – удивилась Карина Львовна.

– Конечно, к каждому вопросу следует подходить серьёзно и основательно.

– А кем ты работаешь, Алик?

– Я менеджер.

Слово «мендежер» завораживающе воздействовало на Карину Львовну, батюшки! Неужели он из новых русских? Она внимательно пригляделась к новому знакомому. Слегка вытянутое, худощавое лицо, несколько отрешённое выражение глаз, немного странное. Вроде смотрит на тебя, а в то же время занят какими-то своими мыслями. Лицо сугубо серьёзное. От такого человека не стоит ожидать глупейших ужимок да идиотских шуток. Незначительный землистый оттенок кожи придавал Алику солидность и некую загадочность.

Карина Львовна продолжила разведку боем.

– А кто твои родители?

– Они погибли в автокатастрофе, – со странным спокойствием произнёс Алик. Но Карина Львовна не обратила на это никакого внимания, она продолжала опрос.

– А у тебя квартира?

– Да, трёхкомнатная.

– Ну, мама! Хватит пытаться человека. Что да как, что да как? Ну что тебе это даст? Со временем всё узнаешь.

– Со временем? – Карина Львовна с интересом посмотрела на дочку, затем на её знакомого. – Хорошо. Давайте пить чай, кстати, уже готов?

Алик ещё немного добавил в заварник кипятку и объявил:

– Готов!

Он уселся за стол и не стал разливать чай по чашкам. Значит мужчина, решила Карина Львовна.

– Какой интересный чай! – едва отхлебнув, поразились она. Такого вкуса Карина Львовна не ощущала никогда. – Разве у нас есть какая-нибудь иная заварка?

– Это чай с чабрецом, – пояснил Алик.

– А ты что, всё время таскаешь с собой этот чабрец?

– Ну почему же, просто сегодня так получилось.

– Неплохо получилось, – в голове у Карины Львовны слегка закружилось, боль отпустила, мысли прояснились. Честно говоря, Карина Львовна опасалась пить кипяток из-за приливов жара, но после глотка такого чая приятное тепло плавно разошлось по всему телу. Как и должно быть у здорового человека.

– А вот мама у меня – кандидат наук по математике, – перевела разговор Эвелина в безопасное русло, – без пяти минут доктор и профессор. Сейчас доцентом работает, а скоро за свои труды получит Нобелевскую премию!

– Вынужден отметить, что Нобелевской премии вам не получить, я сожалею, конечно.

– А почему? – Карина Львовна с удивлением глянула на Алика. Эвелина была уверена, что Алик никогда не позволит себе сказать глупость, и не удивилась.

– Дело в том, что Альфред Нобель, в своё время, запретил выдавать свою именную премию математикам.

– Всем завещал, а математикам запретил? – прищурившись, спросила Карина Львовна. Она-то знала, что так оно и есть. Даже знала, почему так поступил небезызвестный Аль-

фред: в отместку математику, отбившему у него жену. Но ей хотелось убедиться, что этот Алик кое-что знает.

– Такова последняя воля Нобеля.

– Слушай, Алик, а любишь ли ты проходить тесты?

– Когда как. И смотря какие.

– Мама, ну хватит пытаться человека!

– А я вот предложу тебе одну загадку, – не обратила внимания на реплику дочки Карина Львовна. – У нас на кафедре в последнее время все увлечены различного рода головоломками.

– Вам по профессии положено решать самые трудные задачи.

Молодой человек положительно нравился Карине Львовне, она чуть было не пожалела, что предложила ему эту загадку, а вдруг не справится? Ей не хотелось разочароваться, но отступить уже поздно, да и не привыкла Карина Львовна отступать и менять своё мнение.

– Необходимо решить одну графическую задачку. Лина, принеси, пожалуйста, листок бумаги и ручку.

Эвелина неохотно поднялась с места и пошла в спальню – свой рабочий кабинет.

– Алик, а давно ты знаком с моей дочерью? – в лоб спросила Карина Львовна, уставившись строгим профессионально-учительским взглядом на молодого человека.

Он выдержал взгляд и уклончиво ответил:

– Не так давно, чтобы досконально изучить друг друга, но

и не так мало, чтобы сделать определённые выводы.

– Какие выводы?

– Например, ваша дочь замечательно воспитана, да и наследственность у неё неплохая.

– Это как?

– Как сказать?

– Прямо конечно, – Карина Львовна отпила ещё глоток чая, целебный напиток этот чабрец!

– Образованная.

– А мне кажется, что не очень.

– Ну что вы! Она очень способна и деликатна, чувствуется ваше влияние!

Карина Львовна мимо ушей пропустила последние слова, она давно привыкла к льстивым речам, в то же время, ей показалось, что Алик сказал их как-то необычно, возможно, искренне.

– А сколько тебе лет, Алик?

– Разве это имеет значение? – тактично улыбнулся Алик.

– Ну-у, квартира у тебя уже есть, работа, наверное, и образование?

– Я закончил, – Алик начал говорить и тут же прервался, вошла Эвелина.

– Вот бумага, вот ручка! Только к чему все эти тесты? Алик, ведь ты не собираешься поступать на физмат, верно?

– Поступать я не собираюсь, конечно, но, тем не менее, проверить себя никогда не помешает.

Карина Львовна зачарованно поглядела на гостя. Какие серьёзные мысли!

Она полагала, что нынешняя молодёжь, вообще, не способна думать. А тут такая приятная неожиданность!

– Хорошо, приступим к задачке. Всё очень просто! Надо двумя ударами топора разбить подкову так, чтобы получилось шесть частей.

– Это необходимо изобразить графически?

– Конечно! Нарисуй, как ты её разрубишь, а мы посмотрим!

Алик нарисовал на листке подкову и изобразил глубокую задумчивость. Эту задачку он решал ещё в детстве и прекрасно помнил, как надо начертить линии, но подумать, конечно, следовало. Он наморщил лоб, сделал несколько рубящих движений ручкой в воздухе, почесал в затылке и снова наморщил лоб.

Карина Львовна достала вишнёвое варенье, времени было много, она сама решила эту задачку минуты за две, пришлось подумать.

Эвелина склонилась над рисунком подковы, её тоже занял тест. Выходило по три, по пять частей, но шестой не было!

Заметив, что Карина Львовна заскучала, Алик напрягся и решительно черкнул дважды по листку. Эвелина восхищённо посмотрела на, сохраняющего олимпийское спокойствие, Алика. Получилось! Она и сама додумалась, конечно. Только вот, не имела перед собой ручки. Молодец, Алик!

– Вот, – протянул листок Алик.

Карина Львовна посмотрела – всё верно! Жаль, не засекала время. Конечно, он думал намного дольше, чем она сама, но всё-таки здорово справился с заданием.

– Хорошо, – только и сказала вслух Карина Львовна.

– Извиняюсь, мне пора, – Алик поглядел на наручные часы.

– Понимаю, бизнес! – согласилась Карина Львовна. – Я надеюсь, ты будешь почаще заходить к нам?

– С удовольствием! Я очень был рад познакомиться с вами, Карина Львовна! Столько слышал о вас от Лины, а теперь, как говорится, воочию убедился! До свидания!

– До свидания!

Едва за гостем захлопнулась дверь, Карина Львовна изумлённо посмотрела на дочь.

– Что ты на меня так смотришь?

– Однако повзрослела ты у меня. Даже неожиданно как-то. А знаешь, что я тебе скажу?

– Что?

– Честно говоря, я бы была рада видеть этого Алика своим зятем! Эвелина залилась краской.

– Ну, чего ты краснеешь? Всё нормально, всё правильно. Он порядочный человек: и воспитан, и образован в меру. Я понимаю, что об этом не думаешь пока, но хочу отметить тебе, что я была бы не против его кандидатуры. И чай у него замечательный!

Эвелина поглядела на маму, такой довольной она её не видела очень давно. С тех самых пор, как началась судебная тяжба о защите чести и достоинства доцента Липутиной.

– Ты, в самом деле, так думаешь, мама?

– Конечно! Разве я когда притворялась? Кстати, а каковы доходы у менеджера, ты не знаешь?

– Не знаю, мне это неинтересно.

– Ничего другого от тебя ожидать и не стоило. Хотя, ты конечно права: главное, чтобы человек был хороший, – смягчилась Карина Львовна. Трёхкомнатная квартира сама за себя говорит, – а он не был женат?

– Разве это имеет значение?

– Так до сих пор ты не узнала? А не стоило ли поинтересоваться?

– Как будто нам больше не о чем разговаривать! Мама, ты рассуждаешь как старуха.

– Я и есть старуха, – обиженно проскрипела Карина Львовна и устало опустилась в кресло. – Принеси, пожалуйста, мою чашку из кухни! Я допью свой чай.

– Вот твоя чашка, мама. Я пошла заниматься.

– Постой, не торопись! Мы так редко общаемся! Присядь рядом, поговорим.

– О чём? – отвлечённо спросила Эвелина.

– Как о чём? Нам уже не о чем поговорить? Вот о чём вы разговариваете с Аликом?

– Тебе это неинтересно.

– Почему? – недоумевала Карина Львовна.

– Ну, разве тебе любопытно «Познание воли» Шопенгауэра?

– И это всё?

– Почему всё? Можно и больше. Например: субстанциальная концепция Карла Густава Юнга!

– А что это за концепция такая? – решила проявить интерес Карина Львовна.

– Ох, – тяжело вздохнула дочка, словно ей предстоял тяжёлый разговор с непробиваемым оппонентом, – ты слышала, мама, слово комплекс?

– Смотря, какой комплекс!

– Комплекс маленького человека, Наполеона и так далее.

– Комплексы неполноценности?

– Примерно, хотя и не точно.

– Так их придумал Юнг? – поразились Карина Львовна.

Она считала автором Фрейда.

– Не придумал, а ввёл понятие. Это разные вещи, мама.

– Действительно, у вас очень интересные темы для разговора, вот только...

– Что только? Договаривай.

– А то, что Алик знает и ещё кое-то, не то, что некоторые с их однобоким мышлением! – Карина Львовна захотела спровоцировать дочку. Пусть она разозлится, сорвётся, накричит! Пусть станет прежней Линочкой, а то ведёт себя отрёпленно и пугающе, как царевна Несмеяна.

– Мама, – устало, с незначительной ноткой раздражения, произнесла Эвелина, – ты отнимаешь у меня время. Мне надо заниматься.

– Да ты же не на философа учишься, в конце концов! – взорвалась Карина Львовна.

В ответ Эвелина одарила мать безразличным взглядом и ушла в кабинет, закрыв за собой плотно дверь. Карина Львовна не на шутку перепугалась, но решила не вмешиваться.

Внезапно дверь распахнулась.

Наконец-то! Сейчас дочка выскочит, начнёт кричать, и всё станет на свои места!

Но из наполовину открытой двери показалась лишь рука Эвелины, а в ней захваченный за холку кот Феофан. Мгновение спустя, обиженный Феофан был вышвырнут прочь, после чего дверь шумно захлопнулась.

Карина Львовна оцепенела. Она уставилась на закрытую дверь и не могла двинуться с места. Её отделяла от дочери не только эта фанерная преграда, но нечто большее. Положительно, что-то произошло и как-то это что-то ускользнуло от всевидящего ока Карины Львовны. Вот и любимец Феофан вылетел. А раньше Лина не расставалась с котом, даже в ванную брала его с собой! Наверное, дочка просто устала, перегрузилась своими занятиями. Нет, не может быть! Карина Львовна приучала дочь с самого детства к интеллектуальным нагрузкам. Что-то произошло. Если не перегрузка,

то иное.

Состояние дочери не на шутку взволновало Карину Львовну. Она машинально протянула руку к телефонному аппарату и автоматически набрала номер Липутиной Олимпиады Самсоновной.

– Алло! – отозвался голос бабушки на том конце межгорода.

– Алло! Мама! Это я.

– Ну, здравствуй, – сухо приветствовала дочь Олимпиада Самсоновна.

– Здравствуй, мама! Это я!

– Слышу, что ты. Новости какие?

– Ох! Лучше бы не было никаких новостей, – печально вздохнула Карина Львовна.

– Если бы тебе ничего не было надо, ты бы не позвонила! Выкладывай!

– Что-то происходит с Эвелиной.

– Ах! Так я и думала! – в сердцах воскликнула бабушка. – Линочка здорова?

– Не могу сказать, я м-м, не совсем уверена.

– Ну, ты же у нас сама себе врач! Почему не можешь сказать?

– Мама! Ты что, издеваешься? – вспылила Карина Львовна. Ведь думала она, ничего из этого разговора хорошего не получится! В последний год мать жила отдельно, что не сделало её ни мягче, ни покладистее. Скорее наоборот, она ста-

ла обвинять дочь в том, что та сама себе и всем окружающим только портит жизнь.

Поэтому с Олимпиадой Самсоновной, иначе как на высоких тонах, стало невозможно разговаривать. Что бы ни случилось – во всём виновата дочь. Неужели весь мир сошёл с ума?

– Ты же к доктору только на аборты бегала! Сама ведь знаешь всю медицину, не так ли? Отвечай немедленно, что ты сделала с Линочкой?

– Я? Я сделала? Да ты бы только посмотрела на неё! Она стала меняться!

– Ну и что? Пора и ей повзрослеть! Не может же она всю свою жизнь оставаться ребёнком!

– Мама! Ты ведь педагог, скажи мне, почему Лина стала такой чёрствой?

– Это, в каком смысле?

– Она выбросила Феофана из своей комнаты! Понимаешь?! – истерически провизжала в трубку Карина Львовна.

– Как?! – поразилась бабушка, до неё дошёл смысл сказанного.

– А вот так! Заперлась в спальне и не желает разговаривать!

– А ну-ка, дай ей трубку!

– Лина! Лина! – Карина Львовна поднялась с кресла и подошла к двери, осторожно постучала. – Лина! Твоя бабушка хочет поговорить! Она зовёт тебя к телефону!

Тишина.

Карина Львовна приоткрыла дверь, дочь лежала на кровати одетая и как будто спала.

– Она спит. Понимаешь, мама? Она спит днём!!!

– А у неё нет никого? – неожиданно спросила бабушка.

– Ты на что это намекаешь? – опять вспыхнула Карина Львовна.

– Никогда нельзя быть уверенной в чём-то до конца. С тобой такие перемены случились в первый раз в четырнадцать лет, помнишь?

– Замолчи! Ты даже не знаешь, что ты сейчас сказала! Да как ты смеешь?!

– Перестань орать и ответь на вопрос! Есть у Лины кто или нет? – в голосе бабушки появились стальные нотки.

– Да, есть. Это Алик, приятный молодой человек.

– Какая перспектива?

– Он производит впечатление серьёзного человека.

– Тогда не о чём беспокоиться! Поговори с ней серьёзно и проблема разрешится. Всё станет на свои места.

– Хорошо тебе там сидеть и рассуждать! А она вовсе не желает общаться со мной!

– Перестань закатывать истерику! У тебя что, климакс?

Слово, глубоко запрятанное в подсознании Мариной Львовной, внезапно вырвалось на волю. Подобно вулкану, оно взбудоражило всю нервную систему, словно хлыстом, наотмашь, врезало по лицу. Карину Львовну бросило в жар,

голова чуть не лопнула. Климакс!

Вот она – старость! Так коварно и незаметно подобралась. И это в самый ответственный момент! Карина Львовна обессилена уронила руки.

– Карина, Карина! Карина!!! – надрывалась упавшая на пол трубка.

Она сидела в оцепенении, пока сквозь пелену в сознании до неё не долетели короткие гудки. Тогда Карина Львовна подняла трубку и бросила её на аппарат. Пожалуй, впервые в жизни ей нестерпимо захотелось плакать. Карина Львовна содрогнулась, её плечи задрожали, она почти зарыдала. Вот только слёз не появилось.

Раскрылась дверь спальни, мимо прошла дочка, проследовала на кухню, вернулась с чашкой холодного чая, безучастно взглянула на расстроенную мать и молча затворила за собой дверь.

Карина Львовна поразилась таким отношением к себе. Самый близкий ей человек, дочка так отреагировала на её боль!

Положительно, либо весь мир сошёл с ума, либо только Карина Львовна.

Каждый день в мире кто-то сходит с ума. Это происходит с человеком не внезапно: исподволь и незаметно к разуму человека подкрадывается болезнь. Она порождается изнутри, вот почему причины шизофрении неизвестны. Впрочем, Рим Николаевич Любимов и не пытался отыскать ту начальную точку, с которой начинается расщепление человеческой личности. Величайшие психиатры мира сумели по крупицам собрать сведения о течении заболевания, обрисовать множество его признаков, разработать методику лечения и даже достичь неплохих результатов. Не смотря на это, шизофрения так и осталась заболеванием по квалификации – эндогенным. То есть, без внешнего толчка, выворачивающего мозг наизнанку.

Молодой аспирант, учитывая опыт психиатрии, решил взглянуть на лечение по-иному. Его замысел давно разгадал профессор Васильчиков. Мешать развивать науку он не стал, но и поощрять инициативу аспиранта тоже не мог: не принято так в медицине, чтобы молодёжи было позволительно иметь собственную точку зрения. Единственно, что Егор Степанович мог сделать для ученика, так это максимально оградить его от нападков старших коллег.

– Чем это занимается ваш аспирант? – въедливо спросила Евгения Евгеньевна Дулина, лечпроф больницы.

– Работу пишет.

– А об чём он пишет работу?

– О биохимических изменениях мозга у психически больных.

– Слушай, профессор, кончай лапшу мне на уши вешать! – бесцеремонно заметила она. – Почему он ведёт чужих больных?

– Ну что вы, Евгения Евгеньевна! – широко улыбнулся профессор.

– Разве бывают чужие больные? Человек ведь пишет работу, ему необходимо побольше материала! Разве мы станем препятствовать движению науки?

– Конечно, не станем! Но – науки, а не лапши!

– Евгения Евгеньевна, скажите конкретно, что вас беспокоит?

– Ваш ученик лезет к другим больным, я ведь ясно выражаюсь?

– Он препятствует лечащим врачам?

– Да. Он практикует отказ от психотропных средств! А вы знаете, к чему это приведёт! Прекрасно знаете! Мы снова будем, как в далёкой древности, лечить ударами кувалдой по башке, да обливанием ледяной водой! Всех больных посадим на цепи! Вот чего можно добиться этими псевдонаучными изысканиями, улавливаете?

– Подождите, подождите. Много ли больных он берёт, чужих?

– Много! – выпалила, начинающая закипать, Евгения Евгеньевна.

– Хорошо, то есть, не совсем хорошо, я с ним переговорю. Обещаю вам, Евгения Евгеньевна, что времена средневековья в нашей, точнее в вашей, больнице никогда не настанут.

– Уж потрудитесь! А то я подключу главного врача и ректора вашего!

– Обещаю вам, до этого дело не дойдёт, – уверенно сказал Егор Степанович и ещё раз открыто улыбнулся.

Ну что тут поделаешь? Разъярённая фурия стремглав покинула кабинет, помчавшись по всем отделениям срывать, накопившуюся за ночь, злобу на весь мир в целом, а на подчинённых – в частности.

Васильчиков понял, что бумага ректору уже готова. Что делать? Необходимо срочно строчить отписку и подать её раньше лечпрофа. Такого рода дразги характерны для всех, без исключения, клинических больниц. Врачи ординаторы постоянно выражают недовольство сотрудниками кафедр института. Всё-то их не устраивает: и зарплата у работников института выше, и работы – меньше. Ну, пришёл, посидел со студентами, пробежался по отделению и домой, чем не работа? Да и студенты постоянно раздражают – вечно путаются под ногами! В психиатрической клинике это выражено меньше, чем в других. Здесь студенты не мешают, они шустро переодеваются, с опаской проскальзывают по пустому коридору, прячутся в учебной комнате и так же незаметно исче-

зают после занятий. Не смотря на это, студенты успевают за это время: нашуметь, натоптать грязи, оскорбить санитарку, с которой они впрочем, вообще боятся общаться, а некоторые набираются наглости вступать в разговоры с больными! Такие проблемы ежедневно приходится решать профессору Васильчикову. Ординаторы-ассистенты кафедры стараются не впутываться в мелкие конфликты, показывать студентам только своих больных, оказывать всестороннюю помощь и поддержку коллективу больницы, но всё равно остаются плохими. А что им? Пригласят их на консультацию в особом случае, черкнут они несколько слов-рекомендаций, и вся работа!

А что происходят такие вызовы на консультацию в любое время дня и ночи, зачастую безо всякой оплаты, – это работников клиники нисколько не интересует. Всё равно, на их плечах вся основная работа в больнице, тогда как институтские работники откровенно сачкуют. Бывает, завязываются и дружеские отношения между конкурирующими сторонами, но в глубине души каждый врач ординатор лелеет и холит в себе ненависть к ассистенту кафедры. Вот и сейчас, откуда Евгения Евгеньевна узнала, что Любимов занимается чужими больными? Кто-то с радостью доложил, не иначе. Хорошо, что ректор сам не клиницист, он заведует кафедрой патологической анатомии. Ему легче объяснить целесообразность такого, из ряда вон, поведения аспиранта.

Егор Степанович написал просьбу разрешить аспиранту

Любимову Р.Н. задействовать как можно большее количество больных, с целью исключения статистической погрешности в научных исследованиях. Также он вкратце разъяснил суть работы аспиранта и показал необходимость временного отказа от медикаментозного лечения исследуемых больных.

Ректор сразу поймёт, что биохимические показатели резко изменятся при приёме психотропных средств, а поэтому такая временная мера попросту необходима, о чём и просит заведующий кафедрой психиатрии. Конечно, с точки зрения биохимиков это было несусветной чепухой, но кто станет разбираться с психиатрами? У них своя кухня. У них – всё иначе. Даже на вскрытии больных шизофренией при микроскопии не обнаруживается никаких изменений в головном мозге! Абсолютно никаких!

Поговорить с учеником нужно безотлагательно! Егор Степанович вызвал к себе по внутреннему телефону аспиранта Любимова.

– Здравствуй, Рим.

– Здравствуйте, Егор Степанович.

– Как наука?

– Двигается! – Рим с готовностью раскрыл папку, прихваченную с собой на всякий случай. – Вот расчёты по биохимии.

– Хорошо, – профессор накрыл папку ладонью, – не это меня интересует, хотя я непременно ознакомлюсь.

– А что? – недоумённо спросил Рим.

– Твоя основная идея, Рим. Как там идут дела?

Рим опешил. Никогда бы не подумал, что шефа всерьёз заинтересует эта идея.

– Есть положительные результаты, – ответил он общей фразой.

– Значит, теория подтверждается? – улыбнулся профессор. Было непонятно, что он имеет в виду? Совсем недавно он категорически отрицал сам факт возможности нового подхода в лечении.

– Да, – коротко ответил Рим.

– Скольких больных ты исследовал, точнее – вылечил? А если выразиться правильно – на скольких опробовал свою методику?

– На сегодняшний день у шестерых больных отмечена положительная динамика, у остальных больных сказывается перегруженность медикаментами.

– Эти шестеро – твои больные, и они вовсе не получают нейрорептиков, так?

– Так. В этом основной смысл работы.

– Основной смысл работы, Рим, это – биохимия! Прошу хорошо запомнить, – вновь улыбнулся профессор.

Сколько бы не изучал Рим Васильчикова, всё равно не мог расшифровать его улыбку, что же хочет сказать шеф?

– Официально, да.

– Вот, прочти, – Егор Степанович протянул аспиранту ис-

писанный листок бумаги.

Рим ознакомился с документом, краска прилила к его лицу. Вот в чём дело! Если профессор просит разрешения, то, стало быть, кто-то против!

– Я всё понял.

– Представителям администрации больницы не нравятся твои методы лечения. Советую пересмотреть выбор больных.

– Но ведь я работаю с полного согласия лечащих врачей.

– наших ассистентов? – улыбнулся профессор.

– Сочувствующих науке, – принял Рим шутливый тон.

Шеф ещё больше расплылся в улыбке и сказал:

– Рим, помимо всех медицинских наук, существует дисциплина – деонтология. Внутрикафедральные дела, согласно этой строгой дисциплине, никогда не выносятся вовне. Многие наши сотрудники дружат с врачами ординаторами, но маленькие тайны кафедры остаются недоступными никому постороннему. Это элементарная мера безопасности.

– Я не посвящал практических врачей в тонкости своей методики.

– Им не нужно знать и общих положений! – добродушно посоветовал Васильчиков и добавил: – Евгения Евгеньевна сразу ухватила основную суть работы. Она заявила, что не позволит превращать клинику в средневековый лазарет для душевнобольных.

– Как это ей пришло в голову? – удивился Рим.

– Знаете, – тон шефа приобрёл официальный оттенок, – мы живём не в замкнутом пространстве! Вам следует переосмотреть свои взгляды.

Вот оно, началось! Сейчас шеф скажет, что следует оставить идею-фикс, что никакая психотерапия, даже интровертная, не может оказать положительного воздействия при лечении больных психозами. Но профессор ничего такого не сказал. Он, по обыкновению, улыбнулся и дружески посоветовал:

– Понимаете, Рим, не каждый человек может обладать идеей! Кое-кому не нравится ваша целеустремлённость. Кое-кто откровенно завидует. И если вы всё-таки хотите продолжить свой труд, то вам следует запастись приличным запасом осторожности. Даже больные могут заметить что-то необычное и рассказать врачам. Так что, в ваших интересах, ничего, кроме биохимии, не держать в голове. Лишь когда достигнете определённых результатов, – Васильчиков акцентировал слово определённых, – можно будет и опубликовать статью-другую. Как-нибудь не очень гласно.

– Понятно, – согласился Рим.

В противоречивых чувствах покинул он кабинет шефа. Радовало то, что профессор пока не высказывал недовольства, но крайне огорчило появление неожиданных трудностей. Оказывается, материальных затруднений недостаточно, существуют ещё и моральные факторы. За работу, которая ещё и не родилась, необходимо бороться. И борьба

обещает быть трудной. Появились какие-то враги и недоброжелатели – мракобесие какое-то! Но ведь шеф-то на его стороне! Это означает, что почти вся кафедра поддержит его! Важно избегать ненужных конфликтов с администрацией больницы. Решив уничтожить все противоречия в самом корне, Рим направился напрямиком к лечпрофу.

Евгения Евгеньевна уже сделала обход по отделениям, вернулась к себе в кабинет. Она успокоилась, выпустив пар.

Рим Николаевич аккуратно постучался.

– Кто там ломится? Открыто настезь!

Предложение недвусмысленное – Рим вошёл в кабинет.

– А! Это ты? Мученик науки! Что скажешь?

– Евгения Евгеньевна, я.

– Что, ты? – резко перебила она.

– Я пришёл, чтобы...

– Вешать мне на уши лапшу! – закончила фразу начальница больницы. – Знаешь что, Рим Кондратьевич? Разворачивайся-ка на сто восемьдесят градусов и иди заниматься лечебной работой!

– Я, собственно, Евгения Евгеньевна, по поводу лечебной работы, хотелось бы узнать ваше мнение, получить ваш совет.

– Об чём ты? – насторожилась Дулина.

– У вас большой опыт.

– Да!

– ... в работе с симулянтами.

– Да!

– ... вот, я бы хотел получить вашу консультацию.

– Получай! – милостиво согласилась лечпроф.

– Можно ли, по результатам тестирования, выявить симуляцию?

– Какие тесты использовал?

– Вербальные, – ответил Рим первое, попавшееся в голову. Тема для разговора выбрана спонтанно, пришлось ориентироваться по ходу разговора.

– Чушь! Ты, вообще, серьёзно? Или опять вешаешь лапшу?

– Метод ассоциативных рядов.

– Да что за муть ты городишь? Это же любой симулянт, если имеет башку на плечах, станет отвечать неправильно! Ты ему – сапог, он тебе – голова!

– Я хотел бы узнать ваше мнение, Евгения Евгеньевна, а что если идти от обратного? То есть, считать тест положительным именно тогда, когда симулянт нарочно разрушает стройность системы?

– Чепуха! Любой специалист-эксперт тотчас заподозрит разорванность мышления испытуемого, – это ничего не даст, кроме подозрения на эндогенный процесс! В результате у тебя симулянт станет шизофреником!

– Как же быть? – Рим в мнимой растерянности развёл руками.

– Соображать надо! – назидательно сказала Дулина. –

Психиатр, это дорогой мой, Рим Апполонович, не простой врач! Не только тело он лечит, но душу! А душа не представляет собой простое собрание интеллекта и характера! Это тебе не простуда какая. Сунул градусник, и диагноз готов! У человека может быть множество причин, побуждающих к симуляции.

Рим уставился на иссушенную от непреходящей злобы на весь мир, женщину в белоснежном халате. Неожиданно для себя он стал улавливать смысл в её словах. А Евгения Евгеньевна продолжала:

– Есть и такие личности, что считают психическое заболевание романтической аурой, отличающей индивида от простых смертных. Они почему-то полагают, что признание их психбольными даст им неизведанное, недоступное другим, понимание мира. Вот из таких, чаще всего, появляются наркоманы! Иначе не ясно, зачем человеку преодолевать дополнительный барьер страха перед уколom? А посему, Рим, следует внимательнее относиться к симулянтам и распознавать причину их притворства!

– Я думаю, что конечно, симулянтов не стоит лечить по общепринятой методике, – осторожно вставил словечко Любимов.

– Послушай! – Дулина прижала костлявую ладонь к своей груди. – Мне вовсе неинтересно, об чём таком ты подумал! Ведь я тебя наскрозь вижу, опять за своё?

– Евгения Евгеньевна, я только хотел у вас проконсульти-

роваться по поводу методик распознавания и доказательств симуляции.

– Ты окончил институт? – неожиданно задала вопрос Дулина.

– Да, но ведь у вас – опыт.

– Ещё раз спрашиваю: закончил?

– Да.

– А чему учат в медицинском?

– Теории, – тотчас нашёлся Рим.

– Ри-им, – протянула Евгения Евгеньевна, уверенно про-
барабанив дробь по столу своими тонкими и длинными
пальцами. – Вот был бы ты моим сыном, ей Богу, сдёрнула
бы с тебя штаны, да задала бы ремешка!

Рим глуповато улыбнулся в ответ.

– А знаешь, почему?

Молодой учёный неуверенно пожал плечами.

– Да потому, что ты уже аспирант, а до сих пор ничего
не понял! Ведь ты учишь студентов, а чему, позволь тебя
спросить? Теории? Этому абстрактному понятию? – Дулина,
устало вздохнув, откинулась на спинку кресла. – Вот откуда
появляются недалёкие врачи!

– Но ведь практику в институте получить попросту невоз-
можно! Когда успеть, при таком объёме учебного материала
– человек изучается от каждого бугорка на косточке до са-
мой мелкой клеточки мозга?

– Спинного, – продолжила лечпроф. – Даже не всего спин-

ного, а именно его крестцово-тазового отдела! Именно им ты учишь думать!

– А как же тогда? – искренне удивился Рим. Ему уже не казалась беседа бесполезной. Мысли этой непонятной, грубой и бесцеремонной женщины всерьёз заинтересовали его. Никак не ожидалось в этом солдафоне в юбке обнаружить признаки здравого смысла.

– А ты возьми стул, – Дулина указала на одно из кресел в кабинете, стоящих у стены, – и присядь поближе.

Что ж, какое-то подобие примирения всё же состоялось, Рим с энтузиазмом подхватил кресло и уселся напротив лечпрофа. И то верно, в ногах правды нет!

– Сколько слоев в коре головного мозга?

– Шесть, – недоумённо ответил Рим, ожидая очередного подвоха.

– Верно! А какие из них самые ценные?

– Странный вопрос, – отметил экзаменуемый.

– Странный для того, кто мыслит спинным мозгом! Для психиатра – какой слой важнее?

– Можешь не отвечать! Закрой рот, пожалуйста, не-то какую-нибудь глупость сморозишь!

Рим прикрыл губы ладонью.

– Именно тот слой, где происходят ассоциативные связи, где циркулирует информация и отделяется главное от второстепенного! А какой это слой? Что я сейчас скажу?

– Берите литературу и читайте, – заученно повторил из-

любленную преподавательскую фразу аспирант.

– Вот!!! Вот, вот и вот!!!

Рим отпрянул от неожиданности.

– Ты ведь по нескольку раз на дню повторяешь это! А?

– В общем-то, да.

– Так теперь скажи мне, чему учат в мединституте?

– Самостоятельно добывать информацию, использовать знания и опыт предшественников, – скороговоркой ответил Рим.

Бурные рукоплескания прервали ход его мысли.

– Поздравляю! Ты изобрёл велосипед! Только вот непонятно, что именно ты сказал? Хорошо, я сделаю тебе одолжение и переведу на нормальный язык с псевдограмотного! Учат – учиться! Учиться всю жизнь! Я по большому секрету, между нами-девочками говоря, поведаю тебе одну истину, – Евгения Евгеньевна перешла на заговорщицкий полущёпот, – если врач не брал в руки книгу в течение одного года, то он может смело одевать свой халат и бежать стремглав в ближайший шинок – подавать пиво посетителям! А больше он ни на что не годится с его белым халатом! Всё! Это не врач, если он понятия не имеет ни о чём новом, хотя бы в своей области медицины! А психиатр, дорогой мой, помимо спецлитературы обязан знать и светскую литературу! Иначе просто нельзя!

– Так можно будет отстать от больного в уровне развития, – смело продолжил Рим.

– Вот цены тебе не было бы, если ты не занимался бы своей идеей-фикс!

Горячая кровь прилила к лицу аспиранта, словно весь сердечный выброс сработал исключительно для кожи лица. Рима бросило в жар, откуда ей это известно? Неужели, шеф? Как бывает порой стыдно за самого себя, за собственную переоценку знаний психологии. Настолько бываешь уверенным в человеке, что кажется он другом с большой буквы, дороже родного брата: вот он-то никогда не предаст! А внезапно на тебя выплёскивают ушат холодной воды, и понимаешь, что ошибся в человеке! Ошибся, переоценил себя. Оказывается, никакой ты не психолог и, вообще, никто после такого известия.

– Ну что ты запунцовел-то, а? Рим Николаевич! – впервые Дулина не исковеркала отчество аспиранта. – Понимаю, ты думаешь: откуда это мне известно о твоих занятиях ерундой? Да ниоткуда! Существует множество серьёзных научных тем и направлений, а ты избрал, ничего не значащий и никому ненужный, обмен жиров в коре головного мозга!

У Рима отлегло от сердца, тиски, сдавившие пространство за грудиной, разжались, к мозгу вернулась способность мыслить.

Евгения Евгеньевна подозрительно всмотрелась в молодого специалиста. Рим, выдержав изучающий взгляд, позволил себе небольшое пояснение:

– Тему определяет институт, Евгения Евгеньевна.

– Как думаешь, сколько лет я в медицине?

– Вообще-то, неприлично спрашивать женщину о возрасте.

– Ну не пять? Не десять, а?

– Конечно.

– Так что же ты мне, как ребёнку разъясняешь аксиомы? Ты же не остановился на одних липидах! Тебе захотелось доказать большее! – Евгения Евгеньевна выжидательно замолчала. Но Рим уже понял, что истинной идеи-фикс лечпроф не знает. Он с любопытством заглянул в зелёные глаза собеседницы.

– Молчи! – приказала Дулина. – Я сама разъясню, чего ты хочешь. Значит так: лежит куча проводов в изоляции, тонких таких проводочков, и вдруг один из них в каком-либо месте теряет изоляцию и искрит. Появляется участок патологической активности – энергия теряется, не доходит по назначению, растрачивается там, где совсем не нужно! Мысль понял?

– Да.

– Вот и хорошо! Это я воображаю твой триумфальный доклад о докторской работе на соискание Нобелевской премии. На меньшее ты же не согласен! Так что, изволь выслушать дальше. Итак, появляется источник разрушительной энергии. Что делаем мы, консерваторы от психиатрии? Ясно что! Мы разрушаем проводок поблизости, или даже несколько проводов, работаем-то вслепую, не хирурги же мы! Да-

ём психотропные средства, тем самым разрушаем защитную оболочку мозговых клеток, то бишь липиды, изолирующие нерв-проводок. В итоге получаем короткое замыкание, тем самым – отключаем повреждённый провод, а заодно и те, что расположены поблизости. Пусть погибнут нормальные клетки, но зато не станет источника болезни! Что ж выходит? Меньшее лечим – большее калечим! Человек избавляется от недуга за счёт гибели нормальных структур мозга! Вот и весь жировой обмен! Разрушаем изоляцию нервных клеток и губим мозг, а ещё удивляемся – откуда рецидив приступа шизофрении, верно?

– Но.

– И не возражай! Ведь именно это ты хочешь доказать?

– Но моя работа не предусматривает такого поворота! – искренне удивился Рим, имея в виду официальную кандидатскую. Да так оно и было до последних слов Дулиной. Теперь же он с трудом удержался, чтобы не подпрыгнуть со стула. Молодого учёного переполняло чувство известной Эврики. Вот оно, то яблоко, что шлёпнулось ему на голову! И кто потряхнул яблоню? Самый первый мракобес в лице лечпрофа Дулиной. Она, сама не зная того, чудесным образом объединила тайную и явную научную работу Любимова, подарив идее-фикс лабораторное подтверждение! Всё-таки, как чуден мир!

– Всё, что я тебе наплела про электричество – это бред! И ничего больше! – выдала Дулина. – Чу-пу-ха!!!

Было что-то весёленькое в этом исковерканном слове, Рим улыбнулся.

– Вот видишь? Просто чушь собачья! Даже самому смешно! Так что, Рим Георгиевич, занимайся себе анализами, делай свои выводы, но ради Создателя, не лезь в запредельное!

– Я могу идти? – робко спросил Рим, слабо намекая на то, что пора бы и закончить аудиенцию.

– Свободен, – сухо выдавила Евгения Евгеньевна, погружившись в собственные мысли.

Рим вышел из кабинета заместителя главного врача по лечебнопрофилактической работе в серьёзном замешательстве. Как понимать эту бестию? То она орёт, закатив глаза, только пена брызжет из переморщенных губ, то спокойно выдаёт такие умозаключения, что чувствуешь себя эдаким выскочкой, которому расти да расти до уровня истинного мастера. Что означает эта беседа? Перемирие? Усыпление бдительности, чьей? Все эти вопросы остались неразрешимыми. Рим был поражён высокой квалификацией беспардонной экзаменаторши. Как ловко Дулина раскусила цель его визита! И как чётко определила его пределы работы в клинике. Любимов грустно усмехнулся и направился в ординаторскую, чтобы тщательно обдумать дальнейшие действия.

Но посидеть в одиночестве не удалось. Заведующий отделением вызвал больного для беседы. Рим поспешил ретироваться, но врач жестом пригласил его остаться. Любимов обычно присутствовал при опросах старших коллег, учился

искусству психиатрической беседы. Каждый больной индивидуален (ещё народ подметил, что всяк сходит с ума по-своему), поэтому разнообразны и стили разговора врача. В течение одного дня порой приходится находить общий язык с дегенератом-алкоголиком, заумным наркоманом, простодушным дебилом и, с виду, здравомыслящим шизофреником. Расхожее мнение о нападениях больных на врача в психушке – не более чем страшилка. Психомоторное возбуждение встречается довольно-таки редко, к тому же при таком состоянии больного, с ним, разумеется, никто не беседует.

– Если взять книгу и разрезать её аккуратно на четыре части, то получится четыре отрывных текста. Если переместить их в произвольном порядке: низ кверху, затем вторую и четвёртую, а потом третью части, то получится единый текст. Только вот этот текст не станет взаимосвязанным, – монотонно вещал больной с профессорской бородкой клинышком. Доктор сидел напротив и внимательно слушал. Оратор невозмутимо и бесчувственно продолжал, – а если ещё разорвать пополам страницы этих обрывков книги, а затем перетасовать как карточную колоду, то получится совсем другая книга. Автора уже никто не узнает. Кто написал, непонятно, а какой стиль ясно – типичный постмодернизм. Вообще-то не совсем ясно, если помешать нескольких авторов, тогда ещё сюрреалистичнее выйдет.

– Да, – согласился доктор, – а почему это пришло вам в голову?

– Да что это значит, почему? Как это почему? – возмутился пациент. – Можно стать бухгалтером, можно стать офицером, профессором, можно стать звездой, астероидом, а если разрезать огурцы, арбуз и котлеты, то не получится никакого бутерброда. Правда, можно контактировать с космосом и оставаться при этом колемучкой.

– Как, как? – осторожно вставил вопрос врач.

– Что, как? – не понял больной.

– Вы сказали: «Колемучкой». Что это?

– Ах, это? Это очень просто, если взять красочно оформленный бестселлер и поджечь на нём ассигнацию, то кроме дыма и сажи ничего не получится.

– А какую ассигнацию надо положить?

– Ну конечно, не рубли, надо использовать более твёрдую валюту.

– А если рубль?

– Нет, ничего не выйдет, опарения всё перебьют, и снова мы останемся у разбитой вазы.

– А почему вазы?

– Потому что колемучки живут на стекольном заводе.

– А кто это такие?

– Вы что, смеётесь? – больной удивлённо посмотрел, поочерёдно, на обоих людей в белых халатах. – В самом деле, не знаете?

Рим в ответ пожал плечами.

– Да ведь это так просто, они расплавляются и попадают в

стекло, а затем проникают в каждый дом, они воруют наши мысли, наши чувства, наши эмоции.

– А деньги?

– Какие деньги?

– Деньги тоже воруют?

– Не всё измеряется деньгами. Разве можно купить глоток воздуха после смерти, когда лёгкие не могут дышать?

– Погодите, вы ведь живой!

– Пока да, но завтра появятся колемучки и заберут нас всех: вначале всех голых, затем и обутых в свинцовые сапоги.

– Но зачем им всё это?

– Странно слышать от вас, доктор, такие глупые вопросы. Они пришли уничтожить мир на Земле, насадить на планете другую форму жизни.

– Я понимаю и знаю, – уверенно поведал доктор. – Но разве нет никакого выхода?

– Есть, есть выход. Выход есть всегда. Я подумаю над этим и обещаю, завтра же сообщу вам первому.

– Хорошо, хорошо, а пока вам надо отдохнуть.

– Нет, мне не надо отдыхать, я не хочу отдыхать, пожалуйста, только не отдыхать! – в голосе больного появились слабые нотки интонации. Верно, отдыхать в нулёвке он не хотел. Но по звонку врача вошли санитары и увели профессора. Сопротивляться бесполезно, да и опасно, поэтому больной лишь жалостливо взглянул в глаза Риму и понуро по-

плёлся по коридору.

– А что это у него?

– Суицидальная попытка, Рим Николаевич, причём совершенно неожиданная! В последние дни его болезнь внезапно начала прогрессировать, не смотря на проводимую терапию. Вот, появились эти колемучки, раньше их не было и в помине! Он просто рассуждал, ничего особенного не ожидалось.

– А кто он?

– Профессор-филолог. Защищал соцреализм в литературе, выступал против новых атипизмов, госпитализирован впервые. Сослуживцы заметили некоторую странность в поведении и разговоре. Удивительно, конечно, возраст уже не для шизофрении. Однако, факт. Даже не знаю, что с ним делать! Возможно, начнём инсулинокоматозную терапию или электрошок. Пока лежит в нулёвке, хоть под контролем.

– Жаль, – только и сказал Рим.

– Слушайте, Рим Николаевич, а может, вы попробуете?

– К сожалению, не могу, – вздохнул Рим, памятуя о разговоре с шефом. Слишком опасно развивать бурную деятельность. Дулина недвусмысленно заявила. – Не суй свой нос, куда не следует! Анализы, мол, и без тебя назначат, работай исключительно с бумагами.

– Ну, как знаете, шоковая терапия рискованна, особенно в его возрасте, но делать-то нам нечего! – заведующий акцентировал слово шоковая.

Врач ординатор жалел профессора. Это было видно сразу, без угрозы шоковой терапией. Да и Рим склонялся к гуманным методам лечения, но боялся и колебался. Внезапно он вспомнил взгляд больного профессора и решился.

– Давайте поступим так, – предложил он. – Я сегодня останусь на ночное дежурство и попробую.

– Вот и чудесно! – обрадовался заведующий, – сейчас же заменю дежурного врача, переставлю график! А если вы опасаетесь Ежихи, то напрасно! Она ничего не узнает. И вообще, я скажу ей, что в моём отделении аспирант Любимов не имеет никакого отношения к больным!

На том и порешили. Обрадованный заведующий преспокойно двинулся домой, а Риму предстояла напряжённая ночная смена.

8

В половине первого требовательно зазвонил мобильник, сдёрнув Петра с кровати. Говорил Сам, поэтому пришлось сесть, хоть из приличия. Конечно, абонент понятия не имел, стоит ли навтыяжку его подчинённый или непринуждённо валяется в тёплой постели, но так уж приучен Пётр. Он сидел, выпрямив в струнку спину, и терпеливо внимал боссу.

Спустя пять минут, молодой бизнесмен уже мчался по ночному городу, боясь что-нибудь позабыть из полученной инструкции.

Такие дикие срывы случались не часто, но бывали. А что поделать, бизнес есть бизнес! Всё по классике: время – деньги, деньги – товар – навар – большие деньги, – ничего лишнего. Хочешь жить, умей вертеться! Народная мудрость – та же классика.

Пётр не испытывал дискомфорта, ещё со студенческих лет привык вскакивать по ночам и мчаться неведомо куда, оказывая медицинскую помощь нуждающимся. Вот и сейчас понадобилась скорая помощь, может быть не медицинская, но скорая.

У ворот особняка ожидал Никола. Он торопливо открыл двери, пригласил гостя внутрь. Босс не вышел, только голос изнутри комнаты приказал:

– Бери с собой Николу и далее, по инструкции!

– Есть! – по-уставному ответил Пётр и, резко развернувшись, направился к выходу.

Они обошли особняк с другой стороны, пробираясь через наметённые сугробы. Пётр молчал. О чём разговаривать с этим дебилом? Никола сопел в затылок направляющего, да чем-то брэнчал. Им предстояла довольно-таки неприятная работёнка. Пётр остановился и предложил верзиле идти первым. Тот молча повиновался и принялся с тупым усердием утаптывать снег. Пётр разглядел автомат в руках Никола и вздрогнул. Наконец они добрались до запасного выхода, отгребли ногами снег от двери и кое-как отворили. Вероятно, завтра же с утра здесь будет расчищено, босс мог бы и сегодня распорядиться, но видно, дело не должно получать огласку.

Когда они вошли в особняк, ноздри защекотало запахом благополучия. Мягкие тёплые волны воздуха едва уловимого, уютного аромата успокаивали и умиротворяли. Даже Николка перестал обиженно сипеть и клацать затвором автомата. В полуосвещённой комнате, на широком диване лежал, изогнутый в три погибели, Сажа и тихонько постанывал. Его неестественная поза напомнила Петру рисунок из медицинского учебника – что-то об опистотонусе – так скрючило мужика. Пётр понимал, что сейчас необходимо проявить максимум дипломатии, потому что Сажа – правая рука босса. Он не знал, какие инструкции получил Никола, но инстинктивно чувствовал опасность. Пётр набрал побольше возду-

ха, сделал жест Николе, предлагающий невмешательство, и двинулся к Саже.

Скрюченный человек, казалось, не замечал присутствия посторонних лиц, он едва шевельнулся, да и то как-то неестественно. Пётр взял старого за плечи и повернул лицом к себе. Голова Сажи безвольно болталась на шее, синие губы едва разжались и выпустили порцию пены. Никола брезгливо усмехнулся, но предпочёл промолчать, а может у него и не было никаких слов? Может быть, он в этот момент обдумывал элементы своей кандидатской диссертации? Сжатые и перекошенные мышцы лица Сажи не позволяли ему ничего сказать. Поэтому начал Пётр:

– Сажа, слушай меня, я говорю от имени босса!

Сажа едва заметным, с силой произведённым, движением веками, похожим на кивок, дал понять, что слышит.

– Нам сейчас надо ехать, – твёрдо сказал Пётр, ожидая сопротивления. – Тебе стоит отдохнуть.

Сажа молчал. Непонятно, какова его реакция на такое предложение? Пётр был наслышан о невероятной жестокости, незаурядной хитрости вкупе с чрезвычайной ловкостью старого вора. Он не мог поверить в беспомощность Сажи. А кто знает, что у него на уме? Вот так лежит, полумёртвым, а вдруг внезапно вскочит и сунет перо под ребро?!

– Ты можешь встать?

В ответ раздалось едва слышное, судорожное поскрипывание зубами. Пётр деликатно взял больного за плечи и по-

пытался помочь ему сесть. Шустрый Никола уловил суть происходящего, резво ухватил Сажу за шиворот и поднял на ноги. Пётр осуждающе посмотрел на напарника и заметил:

– Никола, поаккуратнее!

– А чё церемониться? Босс приказал!

Петру показалось, что на миг комната озарилась злобной искрой, промелькнувшей в мутных глазах Сажи. Никола ничего такого не заметил. Он, ухватив в охапку Сажу, нетерпеливо поволок старого к выходу. У Петра всё внутри возмутилось от неуважения к старому, в то же время он понимал, что без Николы не справиться. Неизвестно отчего так остервенел кандидат в кандидаты наук, но обратный путь с Сажей в руках, он проделал в три раза быстрее. Пётр едва успевал передвигать ноги, попадая в растоптанные следы напарника. У самого забора он оступился и соскользнул с тропки, провалившись по колено в рыхлый снег. Пётр начал выбираться, упал на четвереньки, с трудом поднялся и, отряхиваясь, взглянул на ночное небо. Полная, багровобледная луна зловеще усмехнулась. Пётр мотнул головой, отгоняя от себя прочь наваждение.

– Э! Командир, давай быстрее, а то этот мешок сейчас грохнется! – заорал Никола, встряхнув одетого в домашний халат Сажу.

Пётр мигом подскочил к машине, они уложили напряжённого Сажу на заднее сиденье и двинулись в ночь.

9

Непонятно почему, ночь полнолуния принято считать мистической, чуть ли не бесовской. В эту пору на земле якобы появляются какие-то вампиры, вурдалаки и прочая нечисть. Странно, но так считается. Хоть этих страшных персонажей никто и не видел, за исключением особых личностей, кои оказались в известном месте. Карина Львовна никак не улавливала связь между людскими трагедиями и фазами естественного спутника Земли. Ну не прослеживалась тут никакой зависимости: ни прямой, ни обратной. Практически любое событие можно отобразить графически, выразить в численном соотношении, но мистику? Она не поддаётся никакой логике, потому что она целиком надуманное воспалёнными мозгами понятие. Карина Львовна, исключительно, из чувства информационного голода взяла эту глупую книжонку в постель. Всю домашнюю библиотеку она перечитала по нескольку раз, вот и взяла хоть что-то, поновее. На четырёхстах страницах описывалась весьма мутная история о вампирах: от древности, до наших дней. Карина Львовна громко зевнула:

– А-а! Скучота смертельнойшая.

И ведь не спится! Она решила выключить свет и лежать в темноте. Карина Львовна щёлкнула выключателем. Сквозь полупрозрачные занавески в комнату заглянула луна, мерт-

венной бледностью осветив постель. Самое время появиться вампиру, подумала Липутина и закрыла глаза.

В полнейшей тёмной тишине ей вдруг послышались шаги.

Чушь какая-то! Карина Львовна никогда не страдала болезненной впечатлительностью, а тут надо же! Стареет, стареет. Другого объяснения нет. Она повернулась на живот и уткнулась орлиным носом в подушку. Шаги раздались вновь. Кто-то ходил по квартире!

Карина Львовна разозлилась на саму себя, что ещё за галлюцинации? Она поднялась с постели, накинула халат и расстворила двери спальни.

Вмиг противоречивые чувства охватили её. С одной стороны, хорошо – это не галлюцинация. С другой – стало страшно за дочь.

Эвелина, распустив волосы, стояла напротив письменного стола и напряжённо всматривалась в темноту, словно искала что-то. Карина Львовна включила свет, но дочка даже не оглянулась.

– Эвелина! – строго окликнула её мать. – Что ты ходишь среди ночи?

От неожиданности дочь вздрогнула и оглянулась. Губы её плотно сжались, а глаза ничего не выражали. Карина Львовна испугалась и подскочила к дочери.

– Мама? Почему ты не спишь? – безжизненным голосом произнесла Эвелина.

Мать напугало выражение глаз Эвелины. Ни тоски, ни ра-

дости, ни испуга.

– Я тебя спрашиваю, что ты делаешь среди ночи? Посмотри, который час!

Обе посмотрели на циферблат настенных часов, большая и маленькая стрелки застыли на тройке, лишь секундная упрямо скакала по кругу, мерно тукая: тик-так, тик-так.

– Я, я не знаю. Я что-то потеряла.

– Что ты могла потерять дома? – Карина Львовна обняла дочь.

– Не помню, по-моему, письмо.

– Какое письмо?

– Я только что писала и потеряла, – безучастно отозвалась Эвелина.

– Что за чушь! Как ты могла писать, если я застала тебя в абсолютно тёмной комнате? Это тебе приснилось.

– Да, наверное, ты права, мама. Мне приснилось, как я писала письмо под диктовку.

– Вот и хорошо, всё стало понятным, – сама себе сказала Карина Львовна. – А теперь давай спать.

– Давай спать, – эхом повторила Эвелина. Её тон напомнил Карине Львовне реплику из детского кинофильма, сказки какой-то: «Что воля, что неволя – всё равно». Странно и страшно прозвучало это из уст родной дочери.

– Ты очень устала, Лина, надо отдохнуть. Завтра тебе не надо выполнять минимума по английскому, да и пропусти утреннюю лекцию, выпишись хорошенько, а потом всё навер-

стаешь! – успокаивала дочь Карина Львовна.

– Хорошо, мама, – отвлечённо согласилась Эвелина и улеглась в постель. Карина Львовна заботливо укрыла её пледом, погасила свет и вышла. Она в нерешительности постояла у дверей спальни. Надо бы поговорить с Линой или не стоит? С дочерью происходит что-то нехорошее. Не лучше ли обратиться к специалисту?

Под специалистом Карина Львовна подразумевала педагога. В свои двадцать два дочь оставалась для неё малым дитём. Карина Львовна невольно вспомнила себя в этом возрасте, брезгливо поморщилась и неспешно направилась к дивану. Уже в постели её аж передёрнуло, перед глазами отчётливо представилась злющая врачиха, что читала ей нескончаемые нотации о вреде аборт, хотя это не помешало ей выскоблить Карину Львовну.

– Да ты никогда себе не найдёшь мужика! – отдалось в голове Карины Львовны сказанное давным-давно, так давно, что она совсем забыла.

Внезапно её словно стукнуло током, Карина Львовна в возбуждении села. Чудовищный по силе разряд тока прошёлся по всему телу: от макушки до пят. Вот оно что! Догадка, ужасающая по своей сути, всколыхнула её. Не было печали, так появился Алик! И угораздило же Карину Львовну ляпнуть о своём согласии на замужество! Она поняла, что не сможет заснуть, поэтому включила ночник, вновь извлекла из-под дивана полудурочную книгу и, невнимательно, рас-

сеянным взглядом принялась бродить по строкам. А в голове рождались самые различные варианты событий, предстояло отбросить бесперспективные и выбрать оптимальный. Что ж, до утра время ещё оставалось, и Карина Львовна погрузилась в строгие математические расчёты.

Длинная ночь не прекращалась, бесконечно долго и тревожно светила полная луна, и никак нельзя приблизить рассвет. Законы природы нарушить невозможно, в отличие от государственных и человеческих, чем собственно занимался молодой бизнесмен Пётр. Он терпеливо крутил баранку, приближаясь к конечному пункту путешествия. Что его ожидает в дальнейшем? На этот счёт – никаких инструкций и даже полунамёков. Волчий мир, в который приходится погружаться каждому бизнесмену, жил по своим законам.

Ах! Кабы можно было обойтись без спонсорства и крыши! Стал бы Пётр заниматься столь рискованными мероприятиями? Вот привезёт сейчас Сажу к чёрту на кулички, доложит боссу и... получит пулю в затылок! Всё, адьё, доигрался бизнесмен!

Словно подтверждая его мысли, в зеркале оскалилось отражение дегенерата Николы. Пётр физически ощутил куsocек свинца в своём затылке. Или теперь пули делают не из свинца? Впрочем, сути это не меняло. Николу он всегда недолюбливал и часто открыто издевался над непроходимой тупостью однокашника. Неужели пришло время заплатить за это? Пётр приоткрыл бардачок, в тусклом свете приборной доски успокаивающе мелькнула воронёная сталь личного оружия. Нет, так просто он не отдаст свою жизнь! С при-

нятием решения, у него отлегло от сердца. Кстати, уже приехали.

Пётр сунул пистолет в карман, вышел из салона и огляделся. Странно, ехал вроде бы правильно, но вместо ожидаемого особнячка, под указанным номером стоял задрипанный одноэтажный барак. Так или иначе – это то самое место. Пётр подошёл к двери, постучал.

– Заходи! – тотчас отозвался голос за дверью. Словно кто-то стоял на пороге целую вечность, ожидая гостей.

Всё верно, их уже давно ждут! Пётр толкнул дверь.

– Что так поздно?

– Вам звонили.

– Конечно, звонили, но это когда было?

– Сегодня.

– Оно понятно, что сегодня и что нам, и что звонили, но тут такое дело, – амбал замешкался, подыскивая слова поприличнее. – Хозяина вызвали срочно и надолго, он передал, чтобы не ждали.

– Что же нам делать? – не понял Пётр.

– Ваши проблемы, – недоумённо пожал плечами верзила и, как можно культурнее, настойчиво закрыл дверь перед самым носом ночного посетителя.

Пётр тотчас созвонился с боссом.

– Как говоришь, вызвали его?

– Да. И двери перед носом захлопнули.

– Ясно, – босс немного зловеще помолчал. – Ну, а что ты

скажешь?

– Я? Я не знаю, о чём?

– Ты видел Сажу?

– Конечно, он лежит в моей машине.

– И как ты, как бывший эскулап, думаешь, ему нужна помощь?

– Думаю, да.

– А что у него?

– Обычная ломка, ничего больше.

– Ладненько, – протянул босс, что означало принятие им противоположного, от первоначального, решения, – кстати, где твой дружок?

– Который?

– Ну, этот, молодой учёный?

– Я точно не знаю, но смогу найти его.

– Найди и сдай Сажу в руки Гиппократата! Все расходы внеси в счёт фирмы. Больше не тревожь!

– Спокойной ночи! – пожелал гукающей трубке Пётр.

– Планы переменялись, – с торжествующим видом поведал он Николе, – сейчас едем в клинику!

– А-м-м-эм, – промычал в ответ Никола.

Казалось, сама удача взяла под покровительство молодого бизнесмена. Машина резко развернулась и направилась прямо в вотчину доктора Любимова, благо тот оказался на месте – в эту ночь как раз дежурил!

Рим уже завершил начальный этап инициации больно-

го, сумел проникнуть вглубь израненной души профессора. Здесь ему открылись целые пласты культуры, надвигающиеся один на другой, словно льдины во время ледохода. Мысли крушились друг о друга, разбивались вдребезги, продолжая безудержно нестись к бетонной плотине. До катастрофы оставались считанные минуты, а Рим пока не знал, что именно нужно предпринять, как упорядочить разброд? Подсознательно больной предлагал окончить всё разом, а вот этого, как раз, не стоило допускать. Ни в коем случае!

Рим забрал профессора из нулёвки в отдельную комфортную, но временно пустующую палату и попросил никому не мешать. Едва нашёлся контакт с больным, затуманенное сознание которого стало откликаться, как в двери кто-то настойчиво постучался. Рим не обратил на это внимания, но стук не прекращался, пришлось оставить несчастного профессора.

– Я же просил, не отвлекать меня! – недовольно выкрикнул Рим.

– Рим Николаевич!

Услышав в ответ знакомый голос, удивлённый Рим открыл двери палаты.

– Ты что тут делаешь?

– Рим, понимаешь, экстренная ситуация! Давай поговорим, – предложил Пётр, кивнув в сторону санитаров.

– Только недолго, – согласился Рим и распорядился, – не спускайте глаз с больного!

Друзья прошли в ординаторскую.

– Ну? – нетерпеливо спросил Рим.

– Я понимаю, что отвлекаю тебя от серьёзного занятия, – усмехнулся друг, – но всё делается для твоего же блага.

– И в чём же это благо?

– Небольшая деловая сделка – ты вытаскиваешь одного типа, а взамен получаешь всё, что пожелаешь.

– И что я могу пожелать?

– Тебе виднее, – пожал плечами Пётр, вдруг его осенило, – я организую публикацию твоих трудов за рубежом!

– Круто.

– Надо ведь с чего-то начинать! Тем более, насколько я понял, здесь не особо-то приветствуют твою методику.

– После зарубежной публикации – обозлятся ещё больше!

– Хорош Ваньку валять! Скажи прямо, есть научная значимость твоей работы или нет?

– Есть, конечно.

– Что ещё надо? Печатаешься в научном сборнике в Англии, США, Германии, а когда придёт время, покажешь здесь!

– А если время не придёт только потому, что уже напечатался невесть где, без согласия научного руководителя?

– Ха-ха! – нервно хихикнул Пётр. – Ты Васильчикова имеешь в виду?

– Конечно.

– Да он – золотой мужик! Он же всегда поймёт. И вообще,

мне кажется, я отнимаю у тебя время!

– В этом ты прав.

– Как и в остальном! Давай, к делу. Значит так, привёз я тебе нарка со стажем, не знаю, с каким, но готов он капитально. Сними ломку, поддержи его тут немного и всё! Делов-то! Разумеется, нужна платная палата и так далее.

– Есть небольшая трудность. Дело в том, что платные палаты аспиранту вести нельзя.

– Вот это уже твои, чисто рабочие, заморочки. Выкрутишься как-нибудь! С моей стороны обещаю: всё будет сделано, катай статьи шустрее, – и дело в шляпе!

– Это приказал твой босс?

– Ну конечно! Стал бы я бахвалиться тем, что сделать не в состоянии. Пока, не в состоянии.

– Где твой больной?

– Там, в приёмнике. Берёшься?

– Без вопросов.

– Тогда, пока! Завтра позвоню! – Пётр, опасаясь, что Любимов передумает или найдёт ещё какую-нибудь отмазку, мигом испарился, оставив Сажу на попечение науки.

Рим едва взглянув на пациента, определил его в нулёвку. Он заполнил лист назначений, предупредил медперсонал, что больной платный, чтобы отношение к нему, соответственно, стало платным, а сам взбежал на второй этаж к оставленному профессору.

Наркоманию определяют по-разному. Кто полагает её патологическим пристрастием, кто – болезнью, некоторые объясняют её вселением беса. Так или иначе, все сходятся в одном: прежде всего, наркомания характеризуется потерей воли.

Поначалу возникает психическая зависимость: желание испытать неизведанное, затем появляется – физическая, когда организм испытывает страшный дискомфорт из-за недостатка подпитки дурманом. Одновременно формируется изменённый тип личности. Каждому наркоману кажется: он знает больше остальных, видит шире, мыслит гениальнее, – под воздействием губительного стимулятора. Вот только его организм, почему-то быстрее истощается. Мозг работает в десятки раз сильнее: ускоряются все виды обмена – сверхчеловек и умирает сверхбыстро. Старость, вследствие истощения нервной системы, наступает стремительно и заметно. Привнесённый на кончике иглы, бурный поток мыслей заставляет работать мозг с удесятерённой энергией. Эту бесплодную работу обеспечивает весь организм, неуклонно разрушаясь: всё питание забирает кора головного мозга, но как ни странно – это не ведёт ни к величайшим открытиям, ни к здоровым мыслям. Попросту создаётся состояние, подобное техническому термину – двигатель пошёл в разнос, когда мо-

тор работает на сверхполную мощность, но машину и с места не сдвинуть. Самое главное, никак нельзя остановить эту работу, пока не кончится горючее. Результат разноса двигателя известен и печален.

В общих чертах это знает любой наркоман, но отсутствие воли не позволяет ему прервать акт саморазрушения. Вываливаются зубы, сморщивается иссушенная кожа, приобретая землистый оттенок, разлагается печень – всё это осознаётся, но не становится главным. Наркоману важно хоть мгновение протянуть без ломок. Алик, усмехнувшись, отбросил в сторону научную монографию.

Он сам догадывался об этом, мало того, мог написать и лучшую энциклопедию! Алик, не смотря на развившуюся зависимость, решил, что можно оставаться сильной личностью. Все пьют, но не все же алкоголики! Почему бы так же не справиться с наркоманией? Для чего увеличивать дозу, когда от наркоты уже нет кайфа? Чтобы не сдохнуть, надо получать мини дозы. Таким образом, можно сохранять тонус и не терять человеческого достоинства!

Какой золотой человек изобрёл виртуальность! Наверняка он был наркоманом. Можно погрузиться в виртуальность и превратиться в кого угодно, общаться с кем угодно, реализовать весь свой творческий потенциал! А потом – пару точек для поддержки тонуса, и хорошо! Захотел ещё ширнуться? Не надо. Врубил компьютер и балдей! Всё равно наркота больше ничего не даст: время острых ощущений уже прошло

безвозвратно. Виртуальная реальность, конечно, не заменит допинга, но, наверняка, поможет испытать необычное.

Такую тактику выбрал Алик – несколько точек в день самого чистейшего наркотика, плюс виртуальная реальность. А в перерывах свободно общаться с людьми, вести обычный образ жизни. Как только начнёт кумарить, немного добавить, но дозу не превышать!

Алик, что называется, принадлежал к высшей касте наркоманов. Ему были неведомы проблемы с поисками дозы. Эти мелочи жизни счастливо обошли его стороной. Наркоты дома – хоть пруд пруди! Батя куда-то двигает товар. Только вот незадача, похоже, в последнее время, и он пристрастился к новому кайфу. Причём как-то глупо и нерасчётливо. Алику порой приходилось припрятывать свою дозу. Но отец, он и есть отец, что ему скажешь? Или он не отец вовсе? Алик отогнал от себя эту дикую мысль. Всего несколько лет назад отец появился в его жизни.

Стал бы такой человек-авторитет подбирать незнакомого и чужого пацана? Конечно, нет. Дело в том, что раньше батю всё таскали по тюрьмам да лагерям, не давали ему никакой возможности пожить по-людски. Зато теперь он бизнесмен и порядочный человек. Безусловно, он сильная личность. Его наркоманский стаж поболее Алика будет. А что до матери, то её Алик и не старался вспоминать. Он жил у тёти, пока отец не вернулся «из командировки».

Как всякий здравомыслящий человек, Алик старался

приобрести себе кое-что на чёрный денёк. Мало ли что, а вдруг завтра бизнесменов опять назовут ворами и надолго упрячут? Поэтому Алику пришлось задуматься о запасном источнике дохода.

Работать он не любил, всякий физический, равно и умственный труд расценивал как насилие над личностью. Даже отец, поначалу пытавшийся приобщить парня к делу, в итоге махнул на него рукой. Что бы ни поручалось Алику, всё делалось спустя рукава.

С таким компаньоном недолго прогореть! Отец смирился с тем, что сынок сидит день-деньской за экраном компьютера, изредка делает вылазки на улицу, жрёт, спит, колется – живёт в своё удовольствие. Привлекать его к делу не имело смысла. Слишком опасно.

С Аликом мало кто общался из обычной, не виртуальной, реальности, наркоманы из зависти избегали его, а обычные люди не понимали. Лишь в последнее время отыскалась небольшая жилка, не золотая конечно, но всё-таки.

Разумеется, Эвелина просто избалованный ребёнок, дуручка, но иногда она выдаёт кое-какие путные мысли. Так что, общаться с ней не было в тягость для Алика. Он, рассчитывая при случае подоить семейство Липутиных, учитывая их социальный статус. Алик моментом прочувствовал обстановку и решил пудрить мозги новой знакомой как можно дольше, держа её про запас, на всякий случай. Он встречался с Линой не часто, но и не очень редко, постоянно ссылаясь на

извечную занятость. Бывало, не вспоминал о подруге целыми днями, погрузившись в пластичный мир виртуальности.

Эвелина, а в особенности Карина Львовна, воспринимала дистанционную отчуждённость Алика знаком гениальности и истинного мужского достоинства. Его высказывания заставляли задумываться, чувствовать себя чуточку умнее остальных людей, которые совершенно не понимают Алика. Чего только стоила фраза: «Чувственность менталитета определяет энергию пассионарности»? Что сказано? Всё и одновременно – ничего. Зато чувствуется колоссальный интеллект! Это вам не какой-нибудь переросток-хулиган из новых русских, не умеющий связать три слова без матерного артикля! Это, не иначе как человек новой фармации. Ни больше, ни меньше.

Его исчезновения легко объяснялись чрезмерной занятостью в сфере бизнеса. Когда Алик подарил Карине Львовне массивную драгоценную брошь из батиных трофеев, завоевал её сердце окончательно и бесповоротно.

И мама, и бабушка аккуратно подталкивали Эвелину к необходимому замужеству. Лишь она сама не могла определиться окончательно. С одной стороны ей надоело действовать по указочке. С другой – хотелось чего-то нового, а именно, ощущения свободы от опеки родственников.

– Как ты думаешь, когда следует выходить замуж? – спросила она Люську.

– Ну, это в зависимости от обстоятельств, – уклончиво ответила подружка.

– А вот ты, когда решишь?

– Я-то?

– Ну, не я же! – ответила Эвелина так раздражённо, что Люська вздрогнула и как-то съёжилась.

– И всё-таки, что тебя подтолкнёт к этому решению?

– Ну-у, это очень серьёзная тема.

– А ты можешь только хихикать? Неужели ты не можешь стать хоть на минутку серьёзной? В конце концов, кто я тебе? Глупая квочка, что ли?

– Чего ты злишься? Подруга ты мне! Кто ещё-то?

– Тогда скажи мне, как подруге! Когда бы ты решилась выйти замуж?

– Я? – Люська мечтательно прикрыла веки. – Я решила бы это когда была бы полностью уверена.

– В чём?

– Ну, как это сказать? Наверное, когда знала бы точно, что он, он... В общем, соответствует!

– А пока у тебя не было соответствующего?

– Нет.

– А что ты вкладываешь в это понятие?

– Какое понятие?

– Соответствие. Какой соответствует: сильный, мужественный, богатый?

– Я думаю, главное, любящий! Ну и конечно, достаточно

обеспеченный. Чтоб ясно представлял будущее.

– ... стремился к нему, приближал его, – продолжила Эвелина.

– Конечно! – не поняла сарказма Люська.

– А из твоих знакомых никто не видит будущего?

– Ну, как ты не поймёшь? – удивилась подруга, – ведь они все просто переростки с резиновым детством!

– Это ты всех имеешь в виду?

– Конечно всех, правда, бывают исключения, но мне лично ещё не встретился.

– А если встретится?

– Тогда я сразу пойму, вот он – мой!

– И что станешь делать?

– В смысле? – на миг замешкалась Люська, но тут же сообразила: – О! Я его уж не упущу! Как только пойму, уже никуда не денется!

– А что ты станешь делать? Сама что ли предложишь: «Возьми меня в жёны»?

– Ну, зачем? Он и сам поймёт все, ведь он соответствует!

– Понятно. А если не поймёт?

– Тогда нужно брать инициативу в свои руки!

– Письмо Татьяны?

– Какое письмо? Просто надо сделать так, чтобы он понял, что без тебя не сможет. Вот и всё!

– Как это?

– Лина! Ты так странно мыслишь! Ведь нет ничего про-

ще! Устраиваешь ему жизнь таким образом, что он чувствует – без тебя, ну куда! А потом потихоньку якобы охлаждаешь, исчезаешь, отказываешься от встреч. Вот тогда-то он сам прибежит, почувствует, что пора!

– А если не почувствует? Тогда что?

– Так ведь соображать надо! – постукала себя по низкому лобу Люська. – Перегибать-то не надо!

– А если не догнуть?

– Тогда ты станешь его рабыней навсегда!

– А это плохо?

– Ты что?! – Люська удивлённо выпучила глаза.

– И всё-таки, когда уже можно соглашаться?

– Главное, не когда, а как! Надо показать ему, что ты наконец-то сдалась! Чтоб он почувствовал себя победителем! А потом из него можно верёвки вить!

– А разве это хорошо?

– Лина! – Люська вскочила на ноги: – Ты явно не созрела до семейной жизни! Раз задаёшь такие вопросы!

– А ты, конечно, созрела?

– Я-то? Конечно! Просто женихи ещё не доросли!

– Хорошо, спасибо за лекцию по введению в семейную жизнь. Ты, наверное, куда-то спешишь? – Эвелина кивнула на дверь.

– Да вовсе нет! – простодушно не согласилась Люська.

– У тебя ведь полно дел, да и у меня не меньше, и вообще, голова начала болеть, – Эвелина поднялась со стула и встала

так, что закрыла спиной обзор в комнату, недвусмысленно приглашая подругу к выходу.

Люська поняла, но не могла до конца осознать, что её вот так, запросто, выставляют за дверь! От этой рохли она никогда не ожидала такого. Что делать? Пришлось идти в прихожую и быстренько одеться. Люська поглядела в глаза нужной подруги. Странная отвлечённость обычно живых, временами искрящихся зрачков, неприятно поразила её.

– Лина, ты хорошо себя чувствуешь?

– Не очень, но мне сразу станет легче, как только я останусь одна.

– А может, тебе выпить аспирина?

– Может, – согласилась Эвелина отвлечённо, её мысли блуждали где-то очень далеко.

Люська обиженно фыркнула и нарочито деликатно прикрыла за собой дверь.

Эвелина не заметила мнимой обиды Люськи. Она глянула на часы и начала собираться на занятия. Эвелина собиралась в лихорадочной спешке. Ей казалось, что опоздание неизбежно. Мало того, что она пропустила лекцию, придётся ещё извиняться за задержку на семинар.

На сборы ушло всего лишь четыре минуты.

Странно, как медленно идёт время?! Она подошла к двери. Замок почему-то оказался незапертым. Холодный пот прошиб Эвелину, неужели она провела всю ночь с раскрытой дверью?

В носу щипнуло запахом мускусоподобной эссенции. Здесь была Люська! И совсем недавно. Странно, что она тут делала? Эвелина постояла в задумчивости, неожиданно сковало всё тело, затекли ноги. Прошло около часу в её неподвижности, но стрелки часов свидетельствовали о каких-то десяти минутах. Эвелина, не зная почему, взяла с собой англо-русский словарь. Кто-то, в самой глубине подсознания, намекал ей о ненужности этой книжонки, но кто — Эвелина так и не вспомнила. Она вышла на лестничную площадку, дождалась лифта: кнопка вызова сработала сразу, но кабина медленно-медленно пробиралась к её этажу, Эвелина хотела было пойти пешком, но двери лифта с тихим шумом отворились. словно в замедленной съёмке, лифт кое-как доставил её к первому этажу.

Во дворе преобладали серые тона. Снег, местами подтаявший, местами подсыпавшийся, тускло отражал расплывчатыми контурами свет бледного и холодного солнца. Люди куда-то шли, до карикатурности, странно передвигая скованными ногами. Ощущение нереальности охватило Эвелину, призрачность и силуэтность окружающего навевали чувство отсутствия жизни. В трансе она проследовала до остановки автобуса, дождалась своего маршрута, вошла, уселась на свободное место и раскрыла перед собой словарь. Она не могла понять, зачем ей нужен этот язык, если все вокруг общались, исключительно, на русском! Где-то в закоулках памяти, строгий воспитатель приказывал ей выучить необхо-

димый словарный минимум за сегодняшний день. Эвелина принялась читать. Странно, но, на этот раз, транскрипция букв почему-то не соответствовала прочтению слова. Идиотские буквы начали раздражать. Написано по дюжине букв, а читаются как четыре звука, почему? Вспомнилось высказывание первого её преподавателя о том, что англичане-де весьма консервативны: язык их меняется, а правописание остаётся прежним. Какая дикость! И такие люди заставили большую часть земного шара говорить на их языке. Да ведь это типичное насилие завоевателей. Пожалуй, похуже какого иного.

Но были же люди, которые не сдались, сохранив собственный язык!

Эта мысль прочно вошла в разум Эвелины и не отпускала его в дальнейшем.

Механически она занималась в институте, автоматически общалась со знакомыми, не переставая думать о независимости. Изредка её отвлекали подруги-однокашницы. Лина отработанно чётко подсказывала им верный ответ, а сама, всё нетерпеливее, поглядывала на часы, словно спешила, сама не зная, куда и зачем.

Эвелина внимательно огляделась по сторонам и удивилась. Пока она думала, за это время ничего не изменилось. Та же аудитория с обшарпанными столами и расшатанными стульями, те же одноклассницы, тот же странноватый преподаватель, уткнувшийся в свои бесчисленные бумажонки. Вроде

бы всё как всегда, но в самом воздухе что-то изменилось, незаметно произошёл сдвиг в непонятную сторону. Воздух то тяжелел, то облегался. То его можно было резать как масло, то чувствовалось, как в мозге циркулирует кровь, принося живительный кислород. Эвелина вдруг поняла, что время – придуманное людьми понятие для того, чтобы оправдать собственную лень. Если человек что-то не успел, заявляет, что ему не хватило времени! Если тяжело работать и лень двигаться, опять же – не хватило времени выспаться! А на самом деле она сидит тут уже часов шесть, не меньше, а по официальному времени – не прошло и двух часов. Эвелине показалось, что все присутствующие об этом знают, но не подают вида, а до неё, в целом мире, никому нет дела.

Но про Эвелину не забыли и продолжали заботиться о ней.

Во время обеденного перерыва Карина Львовна долго разговаривала по душам со своим одноклассником Сулимовичем. Чтобы попасть к нему, на другой конец города, пришлось использовать институтскую машину, отвлечь людей от личных дел и вообще, потратить массу энергии.

После обсуждения основной проблемы Карина Львовна пожаловалась старому другу на свою дочь. Она рассказала Льву Давидовичу обо всех конфликтах с Эвелиной, обо всех странностях дочери. Сулимович со вниманием выслушал школьную подругу. Он понимающе кивал, не перебивая, а в итоге выдал заключение:

– Твоя дочь переживает переходный возраст.

– Как это? С запозданием на десяток лет?

– Конечно, ты ведь сама не дала ей вовремя повзрослеть!

– Как раз наоборот, только я ослабила контроль, вот, пожалуйста! Начались фокусы и капризы! Она всё больше отдаляется от меня!

– Слушай, Карина, если желаешь добра дочери, то дай ей видимость свободы! Перестань опекать её во всём, позволяй хоть что-нибудь сделать самостоятельно!

– Лёва, ты думаешь, так будет лучше?

– Безусловно, – подтвердил Сулимович и, сославшись на массу дел, попрощался.

Карина Львовна осталась недовольной советом друга. С чего он решил о неполноценности Эвелины? Да кто дал ему право так говорить? Какой-токой переходный возраст? Это совсем не то, это нечто иное!

Карина Львовна попросила шофёра заехать на переговорный пункт.

– Алло! – приветливо отозвался голос Олимпиады Самсоновны. – Линочка, ты?

– Нет, это мама Линочки твоей! – раздражённо ответила Карина Львовна.

– Ну, что надо? – интонация бабушки сразу высохла.

– Мама, с Линой творится что-то нехорошее! Она стала совсем другой: сердится без причины, но не кричит, не ругается. Наоборот, всё больше замыкается в себе! Она не спит

ночами, ходит по дому, на вопросы не отвечает.

– А ты что же?

– Я её уговариваю. Она слушается, но ненадолго, затем снова как-то отключается и уходит в себя.

– А почему ты звонишь мне? Что ты за мать, если не можешь понять собственную дочь? Кому, как не тебе, она должна всё рассказать?

Карина Львовна закусила губу в негодовании.

– Карина! Ты мне говорила, что у неё кто-то есть?

– Не кто-то, а Алик! – Карина Львовна посмотрела на шикарную брошь. – Довольно-таки порядочный молодой человек!

– И что у них?

– Ну, я не знаю.

– Ты ничего не знаешь? Ты не знаешь?! – сорвалась Олимпиада Самсоновна.

– Знаю. Знаю! Зачем так шуметь? Уже люди слышат, как ты орёшь.

– Хорошо, я не буду орать! Ты знаешь, что?

– Ну, я точно не знаю.

– Ну конечно, ты занята диссертацией, судом, ещё Бог весть чем, только не дочерью!

– Хватит ругаться, мама, – устало выдавила Карина Львовна. – Лучше подскажи, что делать-то?

– Проверить её надо! Все молодые люди порядочные, до поры.

– Поняла. Мне это тоже приходило в голову.

– Так давай, действуй! И поскорее! А потом уж решите, что делать!

Во второй половине рабочего дня Карина Львовна занялась поиском лучшего специалиста. Только когда отыскала его и договорилась о цене, тогда лишь успокоилась. Даже в жар перестало бросать. Всегда становится легче, когда решение принято. Человек начинает обмозговывать предполагаемые варианты. В любом случае, Карина Львовна ничего не теряла. Вот только, надо поспешить, как советует бабушка.

– Карина Львовна! – заставил вздрогнуть голос заведующей кафедрой.

– Да, Зельма Яковлевна, – с готовностью отозвалась подчинённая.

– У меня к вам будет небольшая просьба.

– Да, Зельма Яковлевна!

– Мне необходим надёжный человек для одного деликатного поручения.

– Да, Зельма Яковлевна! – с готовностью кивнула доцент Липутина.

– Карина Львовна, я вам прямо скажу. Как подруга подруге, мне необходимо кое-что передать супругу.

– Да, Зельма Яковлевна, – повторила Карина Львовна.

Сердце приятно защемило, если к ней обратилась Сама с деликатной просьбой, то это говорит о многом! Стало быть, Зельма Яковлевна уже выбрала себе преемницу. И это – Ка-

рина Львовна! К тому же, если нужно что-то передать супругу, оформляющему документы на выезд, то очень скоро заведующая отбудет вслед за ним.

– Собирайтесь, самолёт через два часа. Билет заказан. После посадки, в аэропорту вас встретит мой супруг, заберёт вот этот дипломат. Вы сможете вернуться сразу. На всё про всё у вас, Карина Львовна, уйдёт не более суток.

Карина Львовна тотчас начала собираться, не откладывая в долгий ящик выполнение почти родственного поручения.

– Да, кстати, Карина Львовна, вы уже в курсе, что ваша работа одобрена и допущена к защите?

Карина Львовна чуть не захлебнулась от переполнявшей её благодарности, сладкие слёзы едва не брызнули из её счастливых глаз!

– Но ведь, Зельма Яковлевна, работа ещё в черновом варианте, – пролепетала она.

– Дорогая Карина Львовна! Вашим оппонентом буду я! – Зельма Яковлевна нежно пожала ладони преемнице. – А сейчас поспешите, пожалуйста! Да, ещё. Вашу дочь я сама предупрежу!

– Ах, Зельма Яковлевна, – всхлипнула Липутина. – Моя дочь больна!

– И серьёзно? – встревожилась заведующая. – Она нуждается в наблюдении врачей?

– Нет, нет, что вы! Я это так, просто переживаю. Понимаете, ей двадцать два, и она незамужнем. Вот, собственно, и

всё, – Карина Львовна сама удивилась такой формулировке болезни дочери. Вот ведь, как всё просто, а она-то ломала голову!

– Ничего-ничего, – успокоила Липутину заведующая, – интеллектуально развитые девушки всегда чуть позднее выходят замуж, и от этого они не становятся несчастнее в браке, поверь мне, старой!

– Что Вы, Зельма Яковлевна, разве вы старая? – льстиво заметила Карина Львовна.

– Ну, уж не двадцать два!

– Ну и не сто два!

– Конечно, конечно! Я на вас, дорогая Карина Львовна, надеюсь целиком и полностью!

– Спасибо, Зельма Яковлевна, – чувственно поблагодарила Липутина, приняв из рук заведующей дипломат – для супруга, и портмоне – на мелкие расходы.

Яркая перспектива заведования ослепила Карину Львовну. Ей захотелось расцеловать весь мир. Настолько бывает счастлив человек! Докторская сделана, суд выигран. Она победитель, которого, как известно, не судят! На подходе четыре кандидатских её учеников, так что профессорское звание не за горами! А что ещё нужно человеку, целиком посвятившему себя науке?

Как на крыльях Карина Львовна слетела по лестнице и неожиданно уткнулась, нос к носу, с реальностью: радужная перспектива на миг поблекла и сузилась до вполне конкрет-

ного человека.

Перед ней стоял Алик. Он вежливо поздоровался и ненавязчиво отвёл Карину Львовну в сторонку. Возможный зять, сам того не желая, вернул её из заоблачных высот на грешную землю.

– Карина Львовна! У меня к вам одна небольшая просьба, – вкрадчиво прошептал он.

– Вот как? – радостно отозвалась Липутина. Вот надо же, все нуждаются в ней и нороят в родственники! Перспектива вновь осветилась желанным ореолом.

– Дело в том, что я задумал одну мощную по масштабу, деловую сделку, но вот незадача... – Алик неуверенно почесал в затылке, просунув тонкую ладонь под шапку.

– Тебе нужны деньги?

– Не то, чтобы особо, тем не менее.

– Выражайся точнее.

– Двести в долг. Конечно, под двадцать процентов, верну через неделю! – для убедительности Алик прижал руки к груди.

– Всего-то?

– Извините, Карина Львовна, но ближе вас у меня больше никого! Сумма, конечно, смешная, но необходимая.

– Когда? – только и спросила Карина Львовна. По выражению лица было видно, что её вовсе не интересует ответ. Алик прочувствовал ситуацию и рассыпался в благодарности. Карина Львовна вынула бумажник и небрежно выдернул-

ла пару сотен зелёных из щедрых командировочных, предоставленных чуткой Зельмой Яковлевной. Чутьочку подумала и добавила ещё одну.

– А эту передашь Эвелине! Да! И скажи ей, что меня сегодня не будет дома.

– Я даже не знаю, как вас благодарить, Карина Львовна! Чтобы я делал, не будь вас! – Алик благоговейно сложил лапки на груди.

– Хорошо, мне пора! Привет Эвелине!

Карина Львовна махнула рукой на прощанье и слилась с потоком студентов в огромном вестибюле.

Алик порадовался столь неожиданному ходу событий и пожалел о малости своего запроса. Карина Львовна оказалась в настроении и при бабках! Он-то рассчитывал на утешительную и унижительную беседу, поездку в какой-нибудь банк, да и то за столыником, а тут три сотни легли в руку! Ему ничего не оставалось делать, как рвануться к знакомому барыге. В первую очередь, необходимо приобрести нормальную форму, а уж потом можно подумать об этой дурочке Эвелине и об отце, чёрт бы его побрал! Как можно безо всякого предупреждения взять и смыться, оставив сына без подпитки! Свинство, да и только!

Алик подсчитал время, проведённое без дозы. Оказалось довольно много. Двигаться тяжело, кости трещат по швам, если есть там какие швы! Его скрючивало и швыряло из стороны в сторону, Похоже, началась настоящая, известная

лишь по рассказам неудачников, – ломка.

Барыга не тянул, не выпрашивал никаких гарантий, ещё бы! Он лишь осторожно спросил об отце, мол, Сажато, когда появится? Как-никак важный оптовик! Но статус отца вовсе не препятствовал взять деньги с сынка. Бизнес есть бизнес! Алик ничего вразумительного не ответил, вежливо отказался от бесплатного «баяна» и потопал домой.

Разумеется, одной привычной точки ему не хватило. Алик ширнулся ещё, сразу тремя, чтобы не возвращаться к неприятной процедуре, за которую каждый наркоман сам себя прокликает, но делает.

Мгновение спустя, мир потерял враждебность. Алик врубил компьютер и погрузился в виртуальность.

И что это за словечко такое – виртуальность? Как его понимать обычному человеку? Напоминает на слух нечто, эдакое, изогнутое и постоянно меняющее очертания. А что это – нечто? Муть какая-то, типа гитары что ли? Вот так крутится слово: в-р-т, вирт уальность! Вначале, вирт, круть, то есть, затем – уальность, расплывание в воздухе, уаль, а потом завершение, но-сть, -сть. Всё крутится-вертится, изменяет очертания, а затем всё начинается снова, летят тексты с изогнутыми пляшущими буквами, появляются невероятные словосочетания, претендующие на потаённый смысл.

В результате: умирает душа, заживо сгнивает мозг и, расплавившись, превратившись в жидкий гной, стекает в свинцовые сапоги. А вокруг сплошной ледостав, крушение всех надежд и идеалов, а взамен? Что взамен? Огромная Колемучка.

...Рим изрядно утомился, блуждая по неясностям сверхинтеллектуального мозга профессора. Сложно классифицировать его расстройство и разложить по полочкам. Может быть, именно потому оказалась неэффективной традиционная терапия?

Вынужденный перерыв, из-за приезда Петра, отвлѣк Любимова от сеанса интровертной психотерапии. При повторной попытке Рима профессор замкнулся. Мозг пациента на-

чал что-то скрывать от врача. Интуитивно Рим чувствовал: найди он это что-то, определи его точно и всё – победа! Чтобы справиться с этой задачей, нескольких сеансов недостаточно. Поэтому Рим хитрыми комбинациями, при полной поддержке заведомо, перевёл профессора в свою палату, одновременно взяв под опеку зрелого наркомана, привезённого Петром. Рим сразу догадался, что к нему попал тот самый тип, о котором консультировался загадочный мафиози. К счастью для молодого учёного, Сажа оказался обычным наркоманом, без наслоения собственного психоза. В его случае достаточно снять ломку, чуть-чуть поддержать организм, а потом сама жизнь заставит его сделать выбор: или-или. Реальная угроза жизни гораздо эффективнее, чем непонятный механизм кодировки.

Кроме этих двух подопечных Рима ожидала ещё партия больных, которых следовало излечить до конца. И делать это под неусыпным оком Ежихи-Дулиной. Временное перемирие вовсе не означало дружбы. А частые вопросы заведующего о состоянии здоровья профессора очень настораживали. Похоже, заведующий отделением преследует двоякую цель: излечить профессора из гуманных побуждений, а в случае неудачи – всё свалить на недоучку аспиранта, одержимого маниакальной идеей. Так или иначе, Рим был благодарен врачу ординатору за поддержку и надеялся, что сумеет вывести больного из психоза. По крайней мере, профессор уже начал потихоньку ориентироваться в окружающей

обстановке, а покончить с собой вовсе не собирался.

В свободное время Рим чертил, только ему ведомые графики и таблицы, высчитывал критерии достоверности и недовольный собой, отбрасывал ворох бумаг в сторону.

Шеф мало в чём помогал, по-прежнему называя изыскания аспиранта идей-фикс, не взирая на положительные результаты.

– Рим Николаевич! Невозможно лечить шизофрению психотерапевтическим методом! Ведь это то же самое, что уговаривать младенца в утробе матери не рождаться на свет! В срок или чуть позже, он родится, даже если принять во внимание, что эмбрион понимает ваши аргументы. Да, в этом мире жить страшно, тяжело, плохо. В утробе матери спокойнее и беззаботнее, но рождаться-то надо! – с неизменно благожелательной улыбкой говорил шеф.

– Егор Степанович, а что если нет никакого младенца?

– Рим Николаевич! Это утверждение требует неопровержимого доказательства, – шеф сразу уловил смысл сказанного.

Рим тоже понял, и сам испугался собственной смелости.

– Много было реформаторов в психиатрии, даже философы появлялись, но воз и ныне там! Шизофрения остаётся шизофренией: буря эмоций кипит внутри больного, но нам она неведома! Пациент холоден, расчётлив и порой жесток.

– Вот я и хочу разрушить тот самый забор, которым отгораживается внутренняя личность больного от окружающего

мира. Мало того, вывести человека из болезненного состояния раз и навсегда! – в запальчивости выкрикнул Рим.

– То есть, достичь ремиссии, – осторожно поправил профессор Васильчиков.

– Да нет же! Полного излечения! Я разработал целую систему реабилитации психических функций! – не мог остановиться Любимов.

– Рим Николаевич, всё это, безусловно, неплохо, но не забывайте об основной работе.

Рим раскрыл папку, отделил листы с исследованиями липидов мозга от основной работы и положил на стол шефа. Васильчиков мельком просмотрел и попросил оставить ему материалы для внимательного изучения. Дня на два. Рим так и поступил, оставив себе наброски к переводу статей в иностранные журналы.

Всякому человеку после такого события, наверняка бы: не спалось, не елось, не пилось, вообще не жилось. По существу, представлена к рассмотрению не просто теория и наука, по большому счёту – цель жизни. Но когда человек занят рутинным претворением мечты в реальность, ему недосуг поддаваться всякого рода переживаниям. Так спортсмен, настроившись на рекорд, теряет чувство неуверенности и страха, но приобретает азартный запал и продолжает действие, ничего не замечая вокруг. Его не шокируют кинокамеры, установленные со всех сторон, восторженные (и не очень) выкрики комментаторов и болельщиков, – всё вокруг пере-

стаёт существовать, кроме его собственного внутреннего мира сгущенной энергии, направленной на достижение цели.

Рим привык самостоятельно достигать намеченных целей, сам себе ставил задачи, самостоятельно их выполнял. Но теперь оказалось, что он может далеко не всё. Рим обнаружил у себя огромные пробелы в образовании, не позволяющие претворить свою идею.

Стараясь наверстать упущенное, он засел за книги. Библиотекарь научного абонемента, имея огромный опыт общения с подобными субъектами, едва выслушав сбивчивый заказ, вынесла читателю целую кипу книжек и небольшую папку журналов, кратко ввела в курс дела: где, как и что искать. Рим сердечно поблагодарил приятную в общении женщину и занялся самообразованием.

Высшее образование предполагает владение общими положениями знаний во всех областях, а уж курс высшей математики предусмотрен в программе любого ВУЗа, включая ветеринарный факультет. В своё время, семь с небольшим лет назад, Рим успешно сдал зачёт и по интегралам, и по дифференциалам, справился с курсом программирования, но теперь всё это основательно подзабыл. Он, конечно, сумел выстроить статистические ряды, подсчитать критерии вероятности и определить погрешность, но чего-то не хватало, самой малости, именно этого мазка мастера, который придаёт гениальность произведению. Когда берёшь в руки научный труд, не имея начальной базы знаний, текст представля-

ет собой бессмысленный набор умных фраз. Особенно это выражено в технических науках, так как зачастую одна и та же буква обозначает различные величины, и откуда что появляется? А куда всё уходит? Ничего непонятно. Чувствуется: написано грамотно, умно, ничего не скажешь, но видать – не для среднего ума! Но не сидеть же сложа руки! Рим вновь и вновь перелистывал учебник, что-то записывал, черкал, затем раскрывал журнал и проделывал с ним то же самое. Его глаза приобрели вид крайней рассеянности, как у разгильдяя-студента, рванувшегося грызть гранит науки за сутки до экзамена.

Владимир Сергеевич частенько захаживал в научный абонемент, посмотреть на своих студентов. В начальной стадии преподавания ему казалось интересным увидеть рвение человека, тягу к математике. Кто знает, может в этом зале сейчас находится будущий гений? Или способный студент, решивший разобраться в каком-нибудь сверхпрограммном материале? Может быть, ему необходима поддержка? Бывает так, чуточку подтолкнёшь человека в правильном направлении, и он сам во всём разберётся! Владимир Сергеевич, в свои тридцать, не утерял юношеского задора и не замкнулся в пространстве строгих формул, в отличие от коллег по работе. Он интересовался не только точными науками, не чуждался и новостей культуры.

Может быть, для этого он пришёл сюда, а о студентах подумал лишь мимолётом? Сам он не мог ответить.

Молодой кандидат наук оглядел сидящих за столиками читального зала. Кое-кто откровенно скучал, судорожно зевая и норовя уткнуться носом в раскрытый толстый учебник. Внимательным взглядом педагога Владимир отметил необычного человека. Тот сидел, разбросав по столу стопы книжек и журналов. С удивлением Владимир Сергеевич разглядел на заголовках свою родную науку. Молодой человек вовсе не похож на студента, скорее это учитель средней школы. Тогда зачем ему то, что не пригодится в работе с учениками? Нет, это не учитель. Значит он – аспирант! Любой кандидат в кандидаты попросту не сможет обойтись без математики! Элементарно, для защиты диссертации необходимо логическое и строгое подтверждение.

Во Владимира Сергеевича стрельнула глазками пухловатая девчушка с «Историей государства Российского» в руках. Он сразу вспомнил об Алине и, собственно, цели своего прибытия в храм науки.

Молодой учёный подошёл к стенду и взял в руки популярный в городской элите журнал, подержал его перед собой, присматривая свободное место. Все столики оказались занятыми. Не долго думая, Владимир Сергеевич двинулся к измученному аспиранту. Неизвестно по какому побуждению, математику захотелось помочь этому парню. Владимир намеренно присел рядом, игнорируя стул напротив. Рим не заметил присутствия незнакомого соседа и продолжал упорно перелистывать в – надцатый раз умные и строгие матема-

тические выкладки. Владимир Сергеевич, без предисловий, представился:

– Иванов.

Рим оторвал глаза от учебника.

– Владимир.

Профессионально оценив незнакомца и не обнаружив во внешности отклонений, Рим ответил:

– Рим.

– Первый или третий? – с улыбкой осведомился Владимир.

– Сегодня, пожалуй, не более чем двухпромилевый.

– Аспирант?

– Да. А вы, насколько я понял, местной Богемой интересуетесь?

– Можно на «ты», без китайских церемоний! Трудности?

– Да как тебе сказать, Владимир.

– Таблицу чертишь? – Владимир придвинул к себе наброски Рима. – Так всё же верно подсчитано! Зачем тебе столько ненужной информации?

– Владимир, ты профессиональный математик, – утвердительно отметил Рим.

– Можно так сказать.

– С учёной степенью. Пока кандидат, но вскоре, доктор наук, – размеренно продолжал Рим.

– Слушай, Рим, а ты, случаем, не экстрасенс?

– Нет. Скорее – интрасенс!

– Странно, а что это такое?

– Долго объяснять, – уклончиво ответил Рим. Надо бы уже попрощаться с навязавшимся собеседником, но что-то удерживало его.

– У меня есть время! – заверил Рима новый знакомый.

– Я врач – психиатр.

– О! Можешь не продолжать, этим всё сказано, – Владимир заинтересованно посмотрел на бумаги Рима. – Кто-то из математиков сошёл с ума, и ты теперь ищешь причину?

– Слава Богу, нет.

– Самообразуешься? Это похвально, но честно скажу, тебе эти формулы так же понятны, как мне – ваши врачебные закорючки!

– Вот в этом-то и дело! – шумно вздохнул Рим.

– Тогда зачем? Сапожнику тачать сапоги, как говорится.

– Да, «Кесарю кесарево»! Но бывает, просто не обойтись без дополнительных знаний.

– М-да, это точно.

– Вот и ты взял журнал, не имеющий отношения к сапогам и математике, – заметил Рим.

– И всё-таки? Зачем тебе математика?

– Это не составляет тайны, но вряд ли тебе будет интересно.

– И всё-таки, хотелось бы узнать. Хотя бы в общих чертах.

– В общих чертах? Мне необходимо создать математическую модель своей работы.

– А возможно ли строгой логикой объяснить многогранную психическую деятельность?

– Думаю, можно. Я уже кое-что прикинул графически.

– А ну-ка, покажи!

– Вот, – Рим вытянул из-под самого низа вороха бумаг несколько листков.

– Это, пожалуй, не графики, а примерные схемы, – заметил профессионал.

– Вот в этом-то и беда! – отчаянно взмахнул руками Рим. – Не выходит никакой модели! А если научная разработка не имеет строгой и неопровержимой базы, то это уже суть – не наука, а гипотеза. Не более того.

– Конечно, Рим, ты прав, но я никогда и нигде не слышал такого, чтобы медики прибегали к математическим обоснованиям своих научных работ!

– Кому-то ведь надо начинать?

– Верно! – Владимир хлопнул себя по коленям. – А вот вопрос нескромный.

– Задавай!

– Твоя работа, действительно, имеет научный интерес? Или это рутинная кандидатская?

– Нет, это не об интеллекте крыс в условиях средней полосы, и его изменениях под воздействием фаз лунного цикла! Это гораздо важнее.

– Я хотел бы узнать поподробнее! Знаешь, почему?

Рим недоумённо пожал плечами.

– Да потому, что это мой конёк! Моделирование и программирование!

– Ну что ж, если так, я готов объяснить самую суть, – сдался Рим. Он опять извлёк графики, то бишь схемы, и начал вводить нового знакомого в святая святых сокровенной теории, которая, при соответствующей обработке, может и должна превратиться в собственно науку.

Со стороны могло показаться, что два студента-переростка с увлечением занимаются наукой, открывают для себя простые истины. Впрочем, почти так оно и было. Иванов, на удивление Рима, мгновенно ухватил суть работы. Любимову не пришлось прибегать к общераспространённым понятиям для сравнения. Рим в общих чертах разъяснил суть того, что есть, и как он это изменяет. Владимир заинтересовался работой, что-то набросал у себя в записной книжке и заявил:

– В принципе, моделирование возможно. Только чуточку не хватает материала для достоверности.

– У меня ещё будет информация. Сейчас лечится несколько человек. Положительные результаты очень скоро появятся.

– Понимаю, понимаю, но, видишь ли, Рим, в Анализе существует такое понятие... Скажем, вроде эталона.

– Понял, необходим показательно яркий случай, выделяющийся полной безукоризненностью.

– Верно. Суть работы не изменится, только потребуются кое-какие доработки. Поэтому я уже сегодня могу начать за-

нятия над твоей работой.

– А для чего тебе это? – резонно поинтересовался Рим.

– Х-ха! Ты же сам вроде сказал: кандидат, но в будущем доктор, не так ли?

– Так. Значит и для тебя есть какой-то смысл в этой работе?

– А ты как думаешь? Например, я не встречал ещё в мировой практике подобного случая! Сотрудничество точной математики и довольно-таки расплывчатой психики, да и медицины вообще – это же принципиально новый подход в науке! Так что, Рим, мне необходимы все результаты исследований, все цифры: от показателей анализов до количества времени, затраченного на излечение каждого больного. Вот тогда можно будет построить стройную систему. Понимаешь, Рим, ты гениально задумал! Твоё утверждение принципиально не подлежит разрушению: всё станет доказанным и обоснованным.

– Возможно ли?

– В общих чертах я уже вижу перед собой основные положения доказательства.

– А сколько времени это займёт?

– Сколько нужно? Ты уже готов к защите?

– Не совсем. Но не год?

– Нет, не год. В принципе, основные положения и принципы разработаны, остаётся лишь применить их в необычном направлении.

На том и порешили. Владимир дал новому знакомому свою репетиторскую визитку, а Рим набросал несколько рабочих телефонов. Они согласились тревожить друг друга в любое время дня и ночи. С этой целью Любимов сообщил адрес своей общаги.

Лишь когда Владимир собрался уходить, он неожиданно вспомнил о журнале, небрежно сдвинутом на край стола. Он раскрыл ежемесячник на странице содержания. Рим проявил внимание отчасти в силу профессиональной привычки, отчасти из интереса к новому знакомому.

– Чем живёт городская Богема?

– А вот сейчас и узнаем, – Владимир отыскал знакомую фамилию автора.

– Сулимович Л.Д., – прочёл он вслух. – Видишь, он Эл Дэ, а не просто Л.! Вот она, разница между нами! Человек настаивает на указании отчества, не уподобляясь остальным авторам. Заметь: Кулин М., Протасов Е., Муртазин А., и так далее. А вот Сулимович полностью: Лев Давидович!

– Знакомый?

– Заслуженный педагог, член-корреспондент! – Владимир язвительно выделил слово «член».

– И что пишет этот член?

– «Униженному учителю от неблагодарной ученицы». Вот это новость! Глянем, в чём суть.

Владимир перелистнул журнал. Статья с длиннющей шапкой, содержащей все звания автора, вещала о проблемах пе-

дагогике, затрагивался конфликт отцов и детей, умело перефразированный в дочек-матерей. Далее сообщалась коротенькая история о вражде ученицы с её благодетельницей. Учёная заметила способности ученицы и, не взирая на низкий балл по результатам окончания ВУЗа, оставила таки девушку в аспирантуре. А та, что же? Отплатила, что называется, чёрной неблагодарностью, начала травлю учителя, дошла до суда и измучила свою благодетельницу, довела её чуть ли не до инфаркта! В заключение Сулимович предлагал всей прогрессивной общественности города сплотиться для защиты затравленной учительницы и, впредь, проявлять максимум осторожности при подборе кандидатов для своей научной школы.

Рим бегло ознакомился с содержанием статьи. Судя по фамилиям действующих лиц драмы, он сделал вывод, что это, не иначе, как обычный междусобойчик элитарной части населения города. Ну, пожурят зарвавшуюся ученицу, да на том и дело кончится! Но его заинтересовала реакция Иванова. Казалось бы, какое ему дело до каких-то явно надуманных клановых дрызг? Владимир покраснел и раздражённо захлопнул журнал.

– Рим, мне надо спешить.

– Хорошо, спасибо за помощь!

– Хорошо, спасибо тебе за идею! А то я уже было совсем оброс мохом. Звони! – Владимир в спешке пожал руку молодому врачу и стремглав ринулся из библиотеки.

Рим проводил его взглядом и порадовался, что Иванову не пришло в голову сразу заглянуть в странный журнал со статьёй уважаемого автора с полными инициалами: Л.Д. Из любопытства он перечитал ещё раз статейку, запомнил её суть и принялся собирать свои непонятные умные книги. Его ждал профессор-филолог, а также Сажа в индивидуальной палате.

Тем временем Владимир домчался до дома подруги.

– Представляешь, этот Сулимович Эл Дэ, знаешь его? Так он такое опубликовал! Целый манифест в защиту Карины Львовны! – с порога, безо всяких предисловий, выпалил Иванов.

– Да ты что, Володя! Это же, это же... Война!

– Не стоит драматизировать, пошумят и успокоятся. Просто надо быть начеку.

– Да что ты такое говоришь? Это ведь Карина Львовна сделала! Они ведь друзья с этим заслуженным педагогом. Сейчас такое начнётся! И балл, значит, у меня низкий был, и сама ничего не стою! А то, что половину её докторской написала, это не в счёт? Да ведь она же всё кормит меня завтраками! Вот, скоро, вот завтра защитишься! А когда это завтра наступит? Нет! Сейчас же едем к ней домой! Я ей всё скажу! Пусть немедленно публикуют опровержение или... – Алина задохнулась от негодования.

Владимир пожалел о своей несдержанности. Кто вот так, с порога, заявляет неприятную новость? Дурак, да и толь-

ко! Алина уже одевалась, нервными подёргиваниями рук поправила волосы, накрасила губы и, путаясь в рукавах, судорожно натягивала дублёнку. Владимир прекрасно знал свою подругу. Удержать её сейчас попросту невозможно. Ничего не оставалось делать, как помочь ей одеться, постараться чуточку успокоить, направиться вместе с нею и, по возможности, удержать Алину от безрассудных поступков.

Была маленькая надежда, что дома у Липутиных никого не окажется, но она тотчас умерла, как только Алина нетерпеливо позвонила в дверь. Спустя полминуты, в квартире кто-то загремел ключами и задвижками. Владимир набрал полные лёгкие воздухом и шагнул вперёд, заслонив собой подругу.

Он морально подготовился увидеть Карину Львовну, которая тут же захлопнет дверь. И делу конец. Позднее, можно будет выдумать правдоподобную историю, оправдывающую столь поздний визит.

– Алик, ты? – раздался голос по ту сторону двери. Что ответить?

– Карину Львовну можно? – сдавленно произнёс Владимир.

Дверь отворилась. На пороге стояла девушка, одетая в джинсовый костюм. Её русые волосы свободно спускались ниже плеч. Было во взгляде этой девушки что-то отвлечённое, отчуждённое от реальности.

– Вы коллеги мамы? Заходите, пожалуйста! – вежливо

пригласила она.

Ничего не оставалось делать, как войти. Алину словно обдало ледяной водой. Остудившись от пыла, она постыдилась своей глупости.

– А когда будет Карина Львовна? – спросила Алина, собираясь развернуться и немедленно уйти.

– С минуты на минуту, – заверила Эвелина.

– А вы, наверное, кого-то ждали? Может, мы зайдём в другой раз?

– вежливо предложил Владимир.

– Что вы, что вы? Коллеги мамы – мои друзья! Раздевайтесь, проходите, пожалуйста. Подождём вместе. Я тут немного заскучала, – Эвелина кивнула на журнальный столик, стоящий посреди зала.

Гости заглянули в большую комнату. Там в беспорядочности валялись кусочки какой-то цветной бумаги, разбросанные по полу, по краю столика и софы. Владимир подошёл ближе. Он взял несколько бумажонок, судя по ровным краям, разрезанных. Раскрытые ножницы, лежавшие на полу, подтвердили его догадку. Владимир внимательно оглядел обрезки. Да это же карты! Обыкновенные игральные карты, странно, для чего и почему они так искромсаны?

– Это новая игра? – шутливо спросил Владимир.

– Пасьянс, – серьёзно ответила хозяйка.

– Интересно! – похоже, дочка Карины Львовны со странностями.

– Ничего интересного, – вдруг сказала Алина и представилась: – Алина!

– Эвелина, – пожалала протянутую руку хозяйка дома.

– Каламбур получается: Карина – Алина – Эвелина! – не удержался Владимир и высказал мысль вслух.

– Вообще-то, я ещё точно не знаю, Эвелина ли я... – задумчиво произнесла Лина.

– А меня зовут Владимир.

– Вы пришли по делу или в гости?

– Вообще-то, по делу, – заявила Алина, – давай-ка, уберём твой пасьянс!

– Нет! – воскликнула Эвелина. – Не надо трогать!

– То есть, я хотела сказать, вокруг такая идеальная чистота, а эти бумажки в неё не вписываются, – поправились гостья.

– Да, конечно, надо убрать, только выбрасывать их не будем, – Эвелина извлекла из-под подушки-пуфика большую косметичку. – Соберём сюда.

Все втроем собрали раскромсанные карты. Совместная деятельность, как известно, сближает людей. Существует даже такое понятие – друзья по работе. В результате нехитрых манипуляций с мусором испарилась неловкость отношений. Хозяйка квартиры как-то потеплела, по крайней мере, её взгляд приобрёл осмысленность, появились искорки в глазах.

– Алина, – она взяла гостью за руку, – а зачем вы пришли

к маме? Ведь ругаться, не так ли?

– Ну почему же? – деланно возмутился Владимир. – Разве к ней приходят только ругаться?

– К ней, вообще, никто не приходит.

– А это значит, что-то произошло ужасное?

– В смысле?

– В том, что мы пришли!

– Не совсем, но, по крайней мере, вы пришли не поздравлять её, верно?

– Отчего же? – не согласилась Алина.

– Если поздравить, где цветы, торт, Шампанское? Или у математиков принято поздравлять сухо, по-научному, с силой сомкнув челюсти?

Парочка, застигнутая врасплох, стушевалась, не находя ответа.

– А знаете, я вовсе не хочу, чтобы приходила мама! – неожиданно заявила Лина, – давайте пить кофе! Я недавно приобрела электрокофемолку и чудный рецепт приготовления бодрящего напитка!

– С удовольствием, – согласился Владимир. Если Карина Львовна застанет их на кухне, скандала можно избежать.

– Нет, мы, пожалуй, пойдём, – решила Алина и поднялась с кресла.

– Да вы что? – Лина ухватила девушку за запястья и взглянув в глаза, произнесла. – Разве вы хотите, чтобы я умерла от одиночества?

Алина интуитивно почувствовала: младшей Липутиной необходимо общество, она переживает страшную драму, она на грани отчаяния и рада даже врагам матери, – об их намерениях она ведь сразу догадалась. Вот сколько информации, одним взглядом поведала Эвелина, и гостья её поняла, как понимает только женщина женщину.

А Владимир просто поддержал Эвелину:

– Действительно, я ещё ни разу не пробовал кофе по специальной технологии, всё больше растворимый, а там какое качество? Так, одно количество: бросил побольше – стало потемнее!

– А вы согласны? – спросила Эвелина подругу Владимира.

– Конечно, Лина! Ведь тебя Линой зовут?

– А как вы догадались? – машинально спросила Эвелина и тотчас хлопнула себя по лбу. – Так нет ничего проще! Вас тоже зовут Линой!

– Почти все, а вот Володя почему-то предпочитает полное имя, лишь изредка назовёт Алей. А вообще, я тебя зову на ты, давай на ты переходи, ведь мы ещё молодые, не так ли?

– Верно.

Владимир заметил, что разговор приобретает женский характер, он решил на время удалиться.

– Где тут у вас можно ополоснуть руки?

– Вот тут, пожалуйста!

Вслед за ним пошла Алина, предоставив хозяйке самостоятельно начать церемониал с кофе.

– Как тебе дочка Карины? – спросила Алина.

– Умненькая девочка.

– Зачем ты так? Очень даже неплохая!

– А я что-то сказал? Конечно, пока неплохая. Наверняка и Карина Львовна когда-то такую была.

– А мне кажется, ты не прав, – надула губки Алина.

В ответ Владимир поцеловал её, но Алина отстранилась. Ей вдруг стало стыдно за то, что они вот тут милуются, а хозяйка страдает, ведь она ждала какого-то Алика! Который, вероятно не придёт сегодня, а возможно и никогда!

– Хорошо-хорошо. Поживем, увидим, – примирительно произнёс Владимир, по-своему истолковавший реакцию подруги. – Пойдём пить кофе?

– Пойдём!

Но до кофе ещё было далеко, Эвелина, накинув фартук, хлопотала на кухне.

– Владимир, ты посмотри по телику что-нибудь, пока мы справимся, а потом мы тебя позовём! – по-хозяйски распорядилась Алина.

Уже и не Володя, а Владимир, поди ж ты разберись, что у женщины на уме? Иванов молча повиновался.

– Пульт на трюмо! – вдогонку ему подсказала Эвелина.

Но телевизор смотреть вовсе не хотелось. Владимир сидел как на иголках, вот-вот зайдёт Карина Львовна и что ей сказать? Пришли в гости? С цветами, тортом и Шампанским? Или что? Владимир посмотрел на книжную полку: филосо-

фия, психология, математика, – грамотный набор интеллигента-технаря. Чего-то не хватает. Впрочем, как это не хватает? Вот полка об искусстве, тут же и периодика. Новый журнал злополучного журнала лежал отдельно, видать, совсем недавно читался. Владимир взял журнал, точно! Почти все страницы словно слипшиеся, а открывается ежемесячник именно на статье Сулимовича Л.Д.! Наверняка, Эвелина читала журнал. Хоть имени Владимира не упоминалось, зато г-жа Кудрина Алина Николаевна склонялась неоднократно! А дочка-то и не думает выставлять их за дверь!

Или ушла в небытие пословица: яблоко от яблони? Он представил себя на месте Эвелины, точнее попытался хоть на миг перевоплотиться, но ничего не вышло. Владимир бы язвил не переставая, и вынудил бы врагов покинуть поле боя. Или тут какая-то стратегия? Дочь дожидается маму, чтобы выдать гостям по полной программе, вдобавок пристыдив их? Надо бы предупредить Алину. Он привстал на цыпочки и начал осторожно прокрадываться к кухне. В полумрачном коридорчике Владимир наткнулся на огромного кота. От неожиданности Владимир застыл на месте. Феофан удивлённо посмотрел на незнакомца и, с достоинством развернувшись, пошёл по своим кошачьим делам.

– А ты что?

– Я сказала: Это не по мне! – донеслось из кухни. Похоже на обычную болтовню милых подруг, заключил Владимир и потихоньку вернулся обратно. Он врубил телик и увидел по-

пулярное шоу. Едва разглядев участников, Владимир сразу определил: кому из них достанутся призы, а кто станет суперпобедителем. Безо всякого интереса Владимир наблюдал за исполнением своего, практически всегда, стопроцентного угадывания.

В это время обе Лины – тёзки по ласкательному уменьшению имён – занявшись приготовлением особого омлета, добрались до темы Любви. Её обывательского, философского и религиозного значения.

– «Возлюби врага своего!» – процитировала Эвелина и лукаво прищурилась.

– В глобальном масштабе это возможно, – принялась рассуждать Алина, но, заметив что-то нехорошее, внезапно умолкла.

– А что? Продолжай! – дружелюбно попросила Лина. – Ведь ты хотела как-то возразить?

– Не то чтобы...

– Верно, не то. А ведь ты и есть та самая Алина Кудрина! Алина Николаевна, если не ошибаюсь?

– Да, – согласилась Алина, заператься не имело никакого смысла. Действительно, очень смышлёная девушка дочка Карины Львовны. – Так ты всё знаешь?

– Конечно! Ну и что? Ведь я знаю это только с одной стороны! То есть, только тезис, не достаёт антитезиса, чтобы соединить это всё в синтезис! Вероятно, где-то поблизости истина.

– Ты так считаешь? – смущённо спросила Алина. Ей стало так стыдно, что желание провалиться сквозь землю, приобрело для г-жи Кудриной буквальный смысл.

– А расскажи мне, что происходит у вас на кафедре?

– Прости, я думаю, тебе это неинтересно.

– Ну почему за меня всегда кто-то думает? – раздражённо сказала Эвелина. – Если ты думаешь, что я играю комедию, то ошибаешься! Мама вовсе не придёт сегодня, а возможно и завтра! Она уехала по делам, улетела на самолёте далеко-далеко, если бы и захотела вернуться, то не смогла бы. Вот я и осталась одна! – Эвелина всхлипнула и обхватила голову руками.

– Ну что ты, Лина! – Кудрина нежно погладила вражью дочку по голове. – Ведь ты не маленькая.

– Конечно, мне можно обойтись без мамы, но мне одиноко и страшно, так страшно, как никогда не было в жизни!

– Я всё понимаю. Поверь мне, Лина, у всех такое бывает, – успокаивала Алина.

– Какое это, такое?

– Как сказать... Разочарование. Это проходит, на своём опыте знаю.

– Хорошо, – Эвелина отстранила руку гостьи, поднялась с табуретки, прошла к раковине и умылась, – всё-таки расскажи мне о вашем конфликте.

Делать нечего, Алина вкратце ввела тётку в курс дела. Собеседница ни разу не перебила её. Эвелина слушала очень

внимательно, но на её лице не выражалось ни одной эмоции. Ни негодования, ни согласия. Ничего! А когда монолог Кудриной закончился, в воздухе, пропахшем ароматом свежего кофе, зависла тяжёлая тишина. Обе тётки сидели напротив друг друга, и каждая молча ожидала реакции собеседницы.

Наконец Эвелина поднялась и рванулась к рассказчице. Та содрогнулась от неожиданности. Время на миг застыло, в глазах у Алины мелькнул ужас: она заметила исчезновение со стола безобидного ножичка.

Нарочито шумно открыв дверь, Владимир вошёл в кухню.
– Когда же будем пробовать кофе, хозяйюшки?

Представшая его взору, сцена заставила единственного мужчину в квартире развернуться и исчезнуть в сумрачном зале.

Обе Лины, крепко обнявшись, во весь голос рыдали. Они пытались что-то сказать друг другу, но безуспешно, – поэтому Владимир ничего не слышал. Вот тебе и на! Они уже подруги! Нашли не только общий язык, но и общие беды, и всякие там женские проблемы! К такому повороту событий он был не готов. Всего ожидал, но не этого. Что теперь? Владимир присел в кресло и крепко задумался. Наверно, кофе десять раз остынет, за окном сгустилась ночь, а Карины Львовны до сих пор нет. А может, с нею случилось несчастье? Поэтому они плачут? Владимир вспыхнул, какой ужас! Он так часто желал самых изощрённых гадостей г-же Липутиной, а вот теперь, когда это случилось, Владимиру стало

не по себе. Он вернулся на кухню.

Подруги успокоились и хором извинились за то, что заморили мужика голодом.

– Понимаешь, Володя, – решила внести ясность Алина, – я всё рассказала Лине!

Судя по дружескому обмену взглядами между заговорщицами, Владимир подумал, что понял, о чём речь.

– Ну что ж теперь делать? – Владимир весело развёл руками и поднял столовый нож, случайно упавший на пол, аккуратно положил его на краешек стола и заявил: – Раз ты всё уже рассказала, то приглашаем на свадьбу!

– Ах да! Я совсем забыла! – спохватилась Алина. – У нас с Володей скоро свадьба, конечно же, Эвелина, ты придёшь!

Лина согласно кивнула.

Владимир ничего не понял. Разве не про их отношения рассказала новой подруге Алина?

– Да! Я рассказала о конфликте с Кариной Львовной. Всё как есть!

– развеяла его сомнения Алина.

Владимир ошеломленно взглянул на обеих улыбающихся подруг и присел. Он пришёл в себя только тогда, когда узнал, что Карины Львовны вовсе не будет сегодня, а возможно и завтра. Убедившись, что с ней ничего не случилось, Владимир успокоился и стал самим собой. Он перехватил инициативу и принялся ухаживать за дамами. Владимир сыпал шутками-прибаутками, на ходу сочинял забавные исто-

рии из преподавательской практики, умудрился подать бородатый анекдот таким образом, что все втроём взорвались от хохота! Эвелина ухоталась до слёз и, извинившись, прошла в ванную.

– Что будем делать? – спросил Владимир.

– Пить кофе.

– Ты не поняла, Алина, пора и честь знать!

– Это ты не понял! Девушка чем-то сильно расстроена, надо поддержать её!

– Согласен, но как мы попадём домой? Твой отец объявит розыск, пошлёт восточку в Интерпол! Сколько людей, похожих на нас, пострадает, а?

– Я сейчас же позвоню ему, – улыбнулась Алина. – А доберёмся так, вызовем такси! Папа расплатится с водителем.

– Хороший вариант, – не стал спорить Владимир, мысленно представив себе возвращение к себе домой от Алины. В одиночестве, по тёмным переулкам.

– Знаете что? – вмешалась в разговор хозяйка. – Оставайтесь ночевать, а?

– Это не совсем удобно, – заметила Алина.

– Отчего же? Места всем хватит.

– Всё-таки мы отправимся по домам, – вежливо сказал Владимир. Подруги переглянулись, и Алина бесцеремонно заявила:

– Разве джентльмен бросит дам одних, в пустой квартире?

– Но мне надо поработать.

– К вашим услугам мой кабинет. Там всё есть: пачка бумаги, набор ручек, карандаши и телефон! – предложила Эвелина.

– А телефон зачем? – сдался Владимир.

– А если перетрудишься, обратишься в ноль три! – посоветовала невеста.

После ужина Владимир расположился в кабинете Эвелины. Он уселся за стол, сдвинул на краешек кучу книг, мельком обратив внимание на заголовки. Так, ничего особенного, когда-то и его интересовали подобные вопросы. Представители классической философии Запада, российские славянофилы, знакомые фамилии авторов-психологов, потрёпанная брошюрка о столетней войне, – всё это имело логическую связь и представляло широту кругозора студентки-психолога. Владимир воспользовался любезно предоставленной бумагой, с сосредоточенным видом разложил перед собой листы в два ряда и задумался.

Безусловно, ключевым понятием шизофрении является расщепление: эмоций, черт характера, восприятия внешней среды, – личности в целом. Владимир попытался почувствовать на себе основную гамму симптомов. Ничего из этого не получалось. Выходило, что он в какой-то мере страдает этим самым расщеплением. Шизофренией, то есть. А как иначе расценить хотя бы факт его прибытия в логово врага, да ещё и дружеские отношения с дочерью Карины Львовны. А может, это у них, у подружек – расщепление, а вовсе

не у него? Вот так и вмешивайся в женские дразги! Владимир с досадой хлопнул себя по затылку, стоит лишь поддерживать одну сторону, как затем на тебя оборачиваются уже обе, только что враждовавшие, подруги. А где гарантия, что завтра, непримиримая Карина Львовна не станет сидеть с Алиной в обнимку? И общим их врагом станет Владимир! Владимир вздохнул и придвинул к себе листок чистой бумаги. Из-за нехватки информации о сути предмета, в голову лезут разные раздвоенные мысли! Постаравшись отогнать их, он начал что-то чертить, периодически поглядывая на безграмотные, с точки зрения точной науки, рисунки Рима. Прочь эмоции! В нём проснулся профессионал, и постепенно на бумаге начали появляться логические цепочки и столбцы. Одно утверждение следовало за другим, формулы плавно перетекали друг в друга, образуя стройную систему. Владимир отстранил от себя листок и критически осмотрел собственное творение, войдя в роль взыскательного экзаменатора.

В логических построениях чувствовалась незаурядность мышления, даже черты талантливости, Владимир льстиво улыбнулся, только вот смысл оставался весьма и весьма туманным. Нет, не может быть теория столь громоздкой и замутнённой! Пусть это обширное доказательство, но чего? Где тут ясное и понятное заключение? Хотя бы такое, как пифагоровы штаны. Владимир прекрасно понимал, что математическое моделирование не может претендовать на гениальность, потому что оно невозможно без нагромождений. С

другой стороны, доказательство, написанное на трёх огромных досках, в итоге сжимается в понятную формулу. Чего-то для этого не хватало, а чего именно Владимир понять не мог.

Учёный перевернул исписанные листки и вновь принялся писать на обратной стороне, только уже не формулы, а вопросы, позволяющие сделать нужное заключение. Обобщив написанное, Владимир, взяв в кавычки, размашисто набросал: «зачем собаке голова, зачем собаке хвост»?

– Рим Николаевич! – постучала в ординаторскую дежурная медсестра.

Рим привычно соскочил с дивана, одёрнул халат и открыл двери.

– Вас к телефону! Какой-то Владимир, я понимаю, что это не врачебный вызов, но он настаивает, не смотря на то, что четвёртый час ночи, – пожилая медсестра глубоко вздохнула и поделилась своим умозаключением. – Наверное, у вашего пациента Владимира, опять развивается психоз. Так вы станете с ним разговаривать?

– Конечно, конечно, спасибо вам.

Рим щёлкнул выключателем настольной лампы и придвинул к себе телефонный аппарат.

– Алло! – тотчас что-то щёлкнуло в трубке, медсестра положила трубку параллельного аппарата и устало опустилась на кушетку.

– Рим, у меня тут кое-что начало получаться, – безо всяких предисловий начал разговор Владимир, – но кое-чего я не понимаю.

– А что именно?

– Целый ряд вопросов, ты думаешь, стал бы я тебя тревожить беспредметно? Всё уже подготовил и начинаю спрашивать.

Ответы Рима казались простыми и понятными, Владимир схематично набросал их перед собой.

Они договорились о встрече, где Рим передаст помощнику и другу все свои материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.